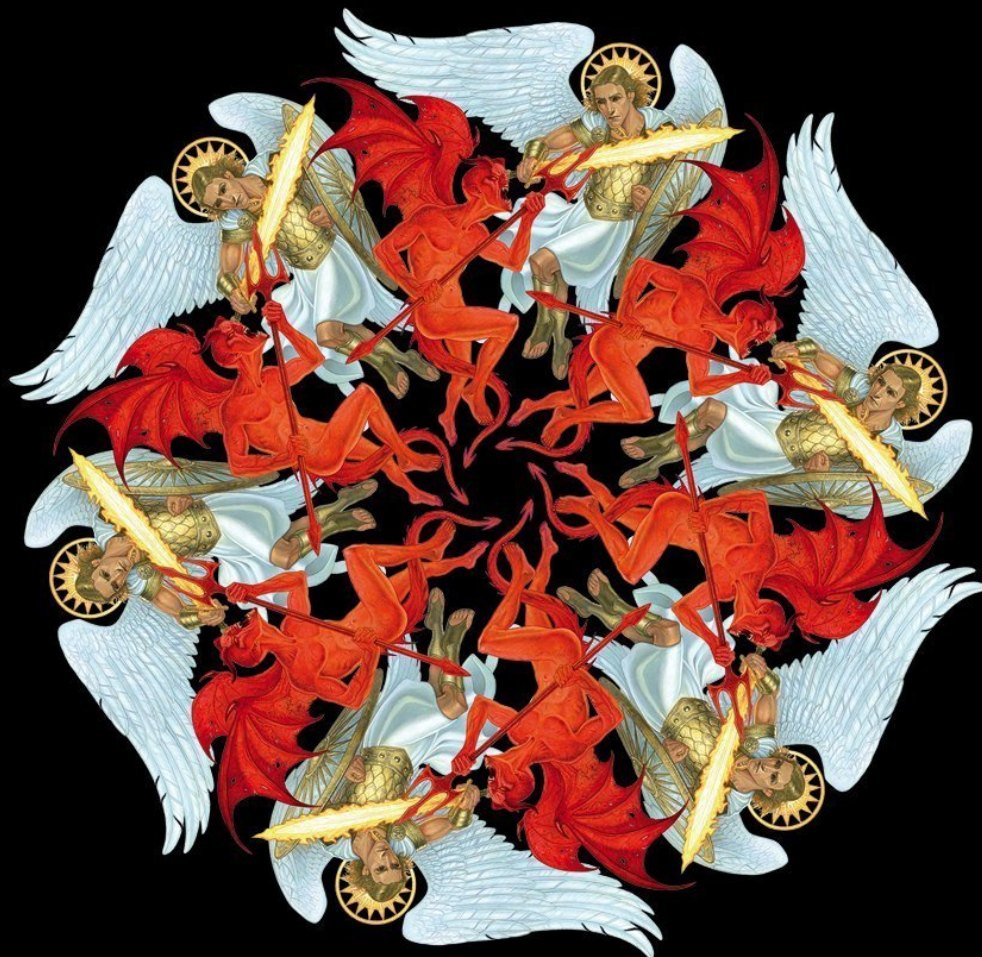

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
НИЛ ГЕЙМАН

GOOD
OMENS

БЛАГИЕ ЗНАМЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ ПОЛА КИДБИ
НОВАЯ РЕДАКЦИЯ

Терри Пратчетт

Нил Гейман

**Благие знамения.
Подарочное издание с
иллюстрациями Пола Кидби**

«ЭКСМО»

1990, 2006, 2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Гейман Н.

Благие знамения. Подарочное издание с иллюстрациями Пола Кидби / Н. Гейман — «Эксмо», 1990, 2006, 2019 — (Терри Пратчетт)

ISBN 978-5-699-59223-4

Говорят, мир закончится в субботу. А именно – в следующую субботу. Незадолго до ужина. К несчастью, по ошибке Мэри Тараторы, сестры Неумолчного ордена, Антихриста не пристроили в нужное место. Четыре всадника Апокалипсиса оседлали мотоциклы. А представители Верхнего и Нижнего Миров сочли, что им очень симпатичен человеческий род... Новая редакция текста от Нила Геймана. Цветные иллюстрации Пола Кидби. Бонусы – интервью с Терри Пратчеттом и Нилом Гейманом.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-59223-4

© Гейман Н., 1990, 2006, 2019
© Эксмо, 1990, 2006, 2019

Содержание

Предисловие	10
В начале	11
Благие знамения	13
Одиннадцать лет назад	15
Среда	52
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Терри Пратчетт, Нил Гейман

Благие знамения

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ НИЛ ГЕЙМАН

GOOD OMENS БЛАГИЕ ЗНАМЕНЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ ПОЛА КИДБИ
НОВАЯ РЕДАКЦИЯ

Говорят, мир закончится в субботу. А именно – в следующую субботу. Незадолго до ужина. К несчастью, по ошибке Мэри Тараторы, сестры Неумолчного ордена, Антихриста не пристроили в нужное место. Четыре

всадника Апокалипсиса оседлали мотоциклы. А представители Верхнего и Нижнего Миров сочли, что им очень симпатичен человеческий род...

TERRY PRATCHETT

&

NEIL GAIMAN

GOOD OMENS

*The Nice and Accurate Prophecies
of Agnes Nutter, Witch*

*Illustrated with line drawings
and colour plates by*

Paul Kidby

GOLLANCZ
LONDON

Terry Pratchett & Neil Gaiman

Good Omens

The Nice and Accurate Prophecies of Agnes Nutter, Witch

Copyright © 1990 by Neil Gaiman and Terry Pratchett.

Foreword and new material copyright © 2006 by Neil Gaiman and Terry Pratchett.

This edition published by arrangement with Writers House and Synopsis Literary Agency

Illustrations © Paul Kidby 2019

GOOD OMENS is a registered trade mark of Neil Gaiman/Dunmanifestin Ltd.

Good Omens logo designed by Paul Kidby.

Good Omens logo © and ™ Dunmanifestin Ltd/Neil Gaiman.

Dunmanifestin Ltd owns the intellectual property rights of the late Sir Terry Pratchett.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

и

НИЛ ГЕЙМАН

БЛА́Гие ЗНАМЕ́НИЯ

*Превосходная
и Недвусмысленная Пророгества
Агнессы Псих, ведьмы*

*Иллюстрации
Пола Кидби*

МОСКВА
2019

© Юркан М., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Если кому-нибудь это действительно интересно, *Терри Пратчетт* родился в Англии, в графстве Букингемшир, в 1948 году. Ему удалось уклониться от всех увлекательных профессий, которые так хорошо смотрятся в подобных биографиях. Отдавая предпочтение спокойной жизни, он устроился пресс-атташе в Центральное Управление электроэнергетики как раз после инцидента на Трехмильном острове, что свидетельствует о его безупречном чувстве момента. Жил в Сомерсете с женой и дочерью, занимаясь исключительно литературным трудом. Любил, когда его угощают банановым дайкири (ему было известно, что никто не читает справки об авторах, но он все-таки решил, что есть смысл попробовать).

Нил Гейман подрабатывал журналистом, но бросил это дело, увлекшись сочинением комиксов, которые считает вполне полноценной художественной формой конца двадцатого века (он даже получил за них несколько премий, так что все в порядке).

Его рост 5 футов и 10 дюймов, у него изрядный запас черных футболок, и хотя он не в восторге от бананового дайкири, ему всегда льстит, когда признательные фэны переводят деньги на его счет (он ознакомился с биографией Терри Пратчетта и хотя сомневается, что из этого будет толк, но решил: «Да ладно, какого черта!..»). В этом ненадежном мире предпочтительнее доллары.

Терри Пратчетт вставал рано утром,
а *Нил Гейман* – рано днем.

Эта книга создавалась в те четыре-пять часов, когда не спал ни один из них.

Предупреждение

Дети! Устраивать Армагеддон может быть опасно.
Не пытайтесь повторять это дома.

Посвящение

Авторы присоединяются к мнению демона Кроули и посвящают роман памяти Г.К. ЧЕСТЕРТОНА – человека, который понимал, что происходит.

Предисловие

Люди спрашивают: каково было писать «Благие знамения»?

А мы отвечаем: мы были (да и остаемся) обычными людьми. Это была просто летняя подработка. Мы повеселились, поделили гонорар пополам и поклялись больше никогда так не делать. Мы не думали, что книга может быть так важна.

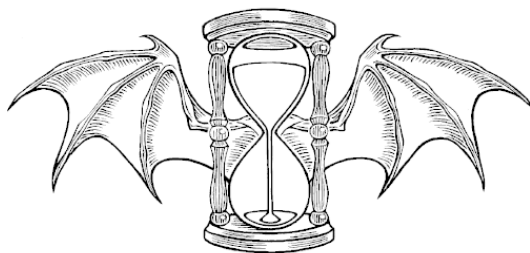
И в некотором смысле до сих пор так не думаем. «Благие знамения» написали два человека, о которых в то время не слышал никто, кроме узкого круга уже знакомых лиц. Авторы даже не знали, продается ли их творение. Кто бы мог подумать, что эту книгу будут латать и чинить чаще, чем любую другую? (Уж поверьте: мы подписали немереное количество экземпляров, упавших в ванну, ставших подозрительно коричневого цвета, заклеенных скотчем и перевязанных веревками, а однажды нам принесли развалившуюся на отдельные страницы книгу в целлофановом пакете. Впрочем, у одного из читателей книга лежала в специальной коробочке из орехового дерева, отделанной внутри черным бархатом. На крышке были серебряные руны. Мы решили не задавать вопросов.) Кстати, совет: нет ничего страшного (до известной степени) в том, чтобы просить авторов расписаться на вашей руке, однако не стоит потом бежать в тату-салон по соседству и, вернувшись спустя полчаса, демонстрировать воспаленный результат.

Мы не представляли, что будем разъезжать по автограф-сессиям, которые покажутся странными даже на наш неприветливый взгляд; что наши пятнадцатисекундные разговоры про юмор будут чередоваться с жуткими сообщениями о захвате заложников в местном «Бургер Кинге»; что в Нью-Йорке у нас будет брать интервью неподготовленный радиоведущий, которому не сообщили, что «Благие знамения» – это книга, которую в среде писателей называют «художественной литературой», и что перед эфиром нам строго-настроено запретят ругаться, потому что, видите ли, «мы, англичане, все время выражаемся нецензурно».

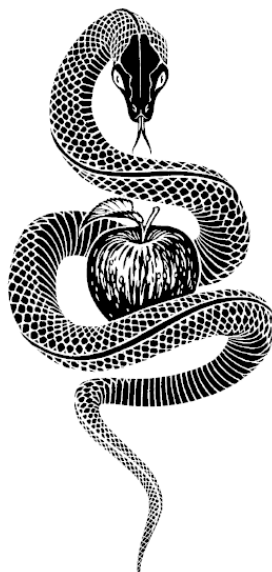
На самом деле мы никогда много не ругались, тем более на радио. Но весь следующий час мы машинально говорили очень короткими, тщательно взвешенными фразами, стараясь не встречаться при этом глазами.

А еще были читатели, благослови их Бог. Мы, наверное, уже подписали им сотни тысяч экземпляров, частенько зачитанных до почти полной дезинтеграции. Если и попадалась новенькая книжка, то только потому, что предыдущие пять копий были утащены друзьями, сгорели от удара молнии или стали кормом для огромных термитов из Суматры. Мы вас предупредили! А, и кажется, один экземпляр нашей книги есть в Ватиканской библиотеке. По крайней мере, хотелось бы так думать.

Было весело. И веселье продолжается.

В начале

...был чудесный день.

Чудесными тогда были все дни, ведь их всего-то прошло чуть больше семи, и сотворить дождь еще не успели. Однако на востоке от Эдема собирались тучи, что означало: первая гроза уже на подходе, и будет она нешуточной.

Укрываясь от первых капель дождя, ангел Восточных врат сложил крылья над головой.

– Прости, – вежливо промолвил он. – Что-что ты сказал?

– Шутка, говорю, не очень-то удалась, – ответил змий.

– А. Ну да, – кивнул ангел, которого звали Азирафаэль.

– Как по мне, так Он малость переборщил, – продолжал змий. – Это ведь их первый привбд, а раньше они – ничего такого... И вообще – что плохого в том, чтобы познать различие между добром и злом?

– Наверное, что-то да есть, – возразил Азирафаэль слегка озабоченно. Он сам недопонимал, что такого страшного случилось, и от этого ему было немного не по себе. – Иначе ты бы в этом не участвовал.

– Мне просто сказали: «Ползи туда и устрой скандальчик», – сообщил змий, которого звали Кровлей, хотя он уже подумывал сменить имя. Хотелось чего-нибудь эдакого, посолиднее.

– Да, но ты же демон. Ты, кажется, вообще на хорошие дела не способен, – пожал плечами Азирафаэль. – Так тебе положено, гм, по природе. Ничего личного, пойми меня правильно.

– Однако признай, слишком уж все это смахивает на какую-то клоунаду, – ответил Кровлей. – Ну представь, прямо посреди сцены торчит Древо, а на нем табличка с аршинными буквами: «НЕ ТРОГАТЬ». Очень тонкий подход. Спрашивается, почему бы не посадить его в каком-нибудь укромном местечке, на вершине горы или еще где? Остается только гадать, что Он замыслил на самом деле.

– Право, лучше всего вообще не гадать, – заметил Азирафаэль. – Я всегда говорил: никто не постигнет непостижимое. В мире есть «ПРАВИЛЬНО» и «НЕПРАВИЛЬНО». Если ты поступаешь НЕПРАВИЛЬНО, когда тебе велели поступить ПРАВИЛЬНО, то заслуживаешь наказания. М-да...

В воздухе повисла неловкая пауза. Ангел и змий в молчании смотрели, как капли дождя лупят по лепесткам первых цветов.

– Слушай, а где это твой пламенный меч? – наконец поинтересовался Кровлей.

– Э-э... – сказал ангел. Виноватая тень пробежала по его лицу, а затем вернулась, чтобы обосноваться там как следует.

– Я точно помню, у тебя был меч, – настаивал Кровлей. – Нехило так пламенел.

– Э-э, ну...

– И выглядел весьма впечатляюще.

– Да, но...

– Ты что, его потерял?

– Да нет! Не то чтобы потерял, скорее...

– Что?

На Азирафаэля невыносимо было смотреть.

– Ну, если уж тебе непременно нужно знать... Я его подарил! Вот! – сообщил он не без запальчивости.

Кровлей изумленно уставился на него.

– Ну, в общем, так получилось, – продолжал ангел, смущенно потирая руки. – Они совсем замерзли, бедняжки, и она уже ждала ребенка, и еще эти, дикие звери, да и гроза уже надвигалась, и я подумал, да ладно, чего там, и говорю: слушайте, назад вам дороги нет, а то начнется скандал до небес, но вот вам меч на всякий случай, нате, не нужно благодарностей, просто сделайте всем одолжение: двигайте отсюда, и скатертью дорога. – Он неуверенно улыбнулся. – Я хорошо поступил, как по-твоему?

– Не думаю, что ты вообще способен на плохие дела, – ехидно ответил Кровлей.

Азирафаэль насмешки не заметил.

– Я так на это надеюсь! – кивнул он. – Очень сильно. Весь день сегодня переживаю.

Они немного понаблюдали за дождем.

– Забавно получается... – протянул Кровлей. – Я вот тоже волнуюсь: а вдруг эта история с яблоком обернется каким-нибудь добром? За доброе дело демон может схлопотать серьезные неприятности. – Он ткнул ангела локтем в бок. – А что, если мы оба не правы? Вдруг я поступил хорошо, а ты – плохо? Смешно, правда?

– Да как-то не очень, – сказал Азирафаэль.

Кровлей смотрел на дождь.

– Согласен, – мрачно кивнул он.

Аспидно-черная завеса накрыла Эдем. По холмам прокатились громовые раскаты. Недавно поименованные твари лесные забились в норы от грозы.

Где-то далеко в насквозь промокшем лесу среди деревьев блеснуло что-то ярко-огненное.

Ночь сулила быть темной и бурной.

Благие знамения

Повествование о Неких Событиях, имевших место на протяжении последних одиннадцати лет человеческой истории, – как будет показано далее, в точном соответствии с

«Превосходными и Недвусмысленными Пророчествами Агнессы Псих».

Составлено и отредактировано, а также снабжено Примечаниями Образовательного Характера и Наставлениями для Здравомыслящих Нилом Гейманом и Терри Пратчеттом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА

Бог – *Бог*

Метатрон – *Глас Божий*

Азирафаэль – *ангел и по совместительству букинист*

Сатана – *падиший ангел, враг рода человеческого*

Вельзевул – *также падиший ангел и князь преисподней*

Хастур – *еще один падиший ангел и герцог преисподней*

Лигур – *опять-таки падиший ангел и герцог преисподней*

Кроули – *ангел, не столько падиший, сколько катившийся по наклонной*

ВСАДНИКИ АПОКАЛИПСИСА

СМЕРТЬ – *Смерть*

Война – *Война*

Голод – *Голод*

Загрязнение – *Загрязнение*

ЛЮДИ

Не-Прелюбы-Сотвори Пульцифер – *ведьмолов*

Агнесса Псих – *пророчица*

Ньютон Пульцифер – *бухгалтер, рядовой Армии ведьмоловов*

Анафема Гаджет – *практикующая оккультистка, не так по призванию, как по наследству*

Шедвелл – *сержант Армии ведьмоловов*

Мадам Трейси – *Нарумяненная Иезавель [часы приема: будни по утрам, четверг по предварительной записи] и медиум*

Сестра Мэри Таратора – *монахиня-сатанистка из Неумолчного ордена святой Бериллы*

Мистер Янг – *отец*

Мистер Тайлер – *председатель муниципалитета*

Посыльный

ЭТИ

АДАМ – *Антихрист*

Пеппер – *девочка*

Уэнслидэйл – *мальчик*

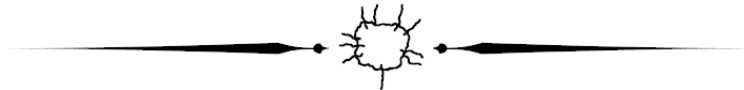
Брайан – *мальчик*

МАССОВКА

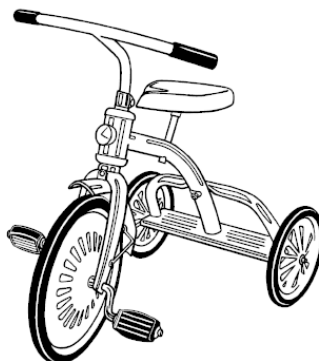
Обитатели Тибета, иных планет, Америки, Атлантиды и прочие редкие и странные
Создания Последних Дней.

А ТАКЖЕ

Пес – *дьявольский цербер и гроза кошек*

Одиннадцать лет назад

Современные теории о сотворении Вселенной утверждают, что если она вообще была создана, а не просто началась, так сказать, неофициально, то день ее рождения случился десять-двадцать миллиардов лет тому назад. Согласно тем же вычислениям Земля существует уже около четырех с половиной миллиардов лет.

Эти цифры неточны.

Средневековые иудеи утверждали, что мир был сотворен в 3760 году до Рождества Христова. Православные теологи отнесли это событие к 5508 году до Р. Х.

Но их теории также далеки от истины.

Архиепископ Джеймс Ашшер (1580–1656), опубликовавший в 1654 году свои *Annales Veteris et Novi Testamenti* («Анналы Ветхого и Нового Заветов»), предположил, что небо и землю сотворили в 4004 году до Р. Х., а один из его помощников, проведя более тщательные вычисления, торжественно объявил, что Земля появилась на свет в воскресенье, 21 октября 4004 года до Р. Х., ровно в девять часов пополуночи, поскольку Господь предпочитает творить с утра пораньше, на свежую голову.

Эти данные тоже грешат некоторой неточностью. Примерно в четверть часа.

Палеонтологи так до сих пор и не поняли, что окаменелые скелеты динозавров – попросту шутка.

Из вышесказанного следуют два вывода.

Во-первых, пути Господни исключительно неисповедимы, и даже более того – крайне окольны. Бог играет со Вселенной вовсе не в кости, нет, Он ведет непостижимую игру собственного изобретения, с точки зрения остальных игроков¹, больше всего похожую на очень сложный и запутанный вариант покера, причем партия разыгрывается в совершенно темной комнате, на картах нет ни одной картинки, ставки бесконечно велики, а правила известны только Раздающему, который *все время улыбается*.

Во-вторых, Земля по зодиаку – Весы.

В тот день, когда началась эта история, колонка «Астрологический прогноз» из «Тадфилдского Адвертайзера» давала Весам такие советы:

ВЕСЫ. 24 сентября – 23 октября.

Вероятно, вы чувствуете подавленность, как будто все время движетесь по кругу и выхода нет. Хозяйственные и семейные дела выдвигаются на первый план и настоятельно требуют вашего внимания.

¹ Т. е. всех прочих.

Избегайте ненужного риска. Друг окажет вам неоценимую поддержку. Отложите принятие важных решений до тех пор, пока ситуация не прояснится. Сегодня наиболее уязвим желудок, поэтому лучше отказаться от салатов. Помощь может прийти с неожиданной стороны.

За исключением рекомендации по поводу салатов, прогноз оказался на редкость точным.

Эта ночь не была особенно темной и бурной.

Ей следовало быть таковой, но что возьмешь с погоды. На каждого сумасшедшего ученого, весьма кстати для которого гроза разражается в ту самую ночь, когда он завершает свое Великое Делание, приходится множество неудачников, просяживающих штаны под мирными звездами, пока Игорь подсчитывает свои сверхурочные.

Однако не позволяйте туману (на смену которому вскоре придет небольшой дождь, а температура упадет до семи-восьми градусов по Цельсию) усыпить вашу бдительность. Даже приятным теплым вечером посланцы темных сил не дремлют. Они никогда не дремлют. Они повсюду.

Повсюду и всегда. В этом-то все и дело.

Вот и сейчас двое посланцев этих самых сил таились на заброшенном кладбище. Один сутулый и коренастый, другой зловеще-тощий, оба – мастера скрадывания олимпийского класса. А если бы Брюс Спрингстин вдруг собрался записать альбом «Рожденный таиться», эта пара достойно смотрелась бы на обложке. Они таились в тумане уже целый час; впрочем, они только раскачивались: их таения вполне хватило бы на всю ночь, да еще осталось бы зловещести на финальный рывок перед рассветом.

Наконец, по прошествии очередных двадцати минут один из них буркнул:

– И где только его черти носят? Договорились же не опаздывать.

Говорившего звали Хастур, и был он герцогом преисподней.

Доказательств тайного вмешательства Сатаны в дела человеческие более чем достаточно: войны, эпидемии чумы, неожиданные налоговые проверки... Однако все знатоки демонологии единогласно признают: лондонская окружная трасса M25 – это доказательство № 1.

И если они ошибаются, то лишь в одном: проклятие кольцевой дороги вовсе не ограничивается тем, что на ней ежедневно происходит невероятное количество жутких столкновений и аварий.

В действительности лишь нескольким избранным мира сего известно, что уже сами очертания M25 формируют знак «одегра», означающий на языке Черных жрецов древнего Му «Слава Великому Зверю, Пожирателю Миров». Тысячи автомобилистов, которые ежедневно газуют по извивам дороги, производят ровно такое же действие, что и вода, льющаяся на молитвенное колесо: так возникают незаметные глазу, но крайне ядовитые миазмы низкопробного зла, отравляющие метафизическую атмосферу на много миль вокруг.

Кроули считал трассу одним из лучших своих достижений. На это ушли годы, три хакерские атаки, два грабежа со взломом, одна мелкая взятка, а когда все оказалось тщетно – два часа промозглой ночью, в грязи, покуда Кроули перемещал топографические колышки всего лишь на пару метров, чрезвычайно важных с оккультной точки зрения. Позже, наблюдая за

первой пробкой длиной в добрых тридцать миль, Кроули испытал истинное удовольствие от сознания хорошо выполненного злодейства.

Ему была объявлена благодарность.

Сейчас Кроули мчался со скоростью в сто десять миль в час чуть восточнее Слау. Внешность его особой демоничностью не отличалась, во всяком случае, по классическим стандартам: ни рогов, ни крыльев. Да, он слушал лучшие хиты группы «Queen», но с выводами спешить не стоит: пролежав две недели в бардачке машины, любая кассета превращается в «Best of Queen». И никаких особенно демонических мыслей – Кроули всего лишь рассеянно размышлял о том, какое Фредди дело до Никиты Сергеевича Хрущева.

Высокие скулы, темные волосы, туфли из змеиной кожи... если, конечно, это были туфли. Языком Кроули умел проделывать удивительные вещи, а если забывался, иной раз мог и зашипеть.

Кроме того, он очень редко моргал.

Машина Кроули была черным «Бентли» 1926 года, и с самого дня выпуска она верой и правдой служила единственному хозяину. Кроули хорошо о ней заботился.

Опаздывал он по простой причине: ему чрезвычайно нравилось жить в двадцатом веке. Это столетие, с его точки зрения, выгодно отличалось от семнадцатого, не говоря уже о четырнадцатом. Время тем и прекрасно, говаривал Кроули, что оно неуклонно уносит тебя все дальше и дальше от четырнадцатого века, самого паршивого и скучного столетия, какое только видывали, извините за выражение, небеса. А вот двадцатый век скучать никому не давал. К примеру, синяя мигалка, маячившая в зеркале заднего вида последние пятьдесят секунд, недвусмысленно заявляла, что Кроули преследует машина, двое пассажиров которой намерены сделать его жизнь еще более интересной.

Он глянул на ручные часы, предназначенные для богатеев-аквалангистов, которым и на морском дне хочется знать, сколько же времени нынче в двадцати одной столице подлунного мира².

«Бентли» с ревом промчался по выездному пандусу, заложил вираж на двух колесах и рванул по усыпанной листьями дороге. Синяя мигалка не отставала.

Кроули вздохнул, снял руку с руля и, чуть повернувшись, сделал над плечом замысловатый жест.

Мигалка быстро исчезла вдали, поскольку полицейская машина, к большому удивлению ее водителя и пассажира, вдруг остановилась. Спустя минуту они изумились еще сильнее, открыв капот и обнаружив, во что превратился двигатель.

Тем временем на кладбище Хастур – тот демон, что повыше, – передал бычок низкорослому (и более поднаторевшему в искусстве таиться) Лигуру.

– Кажется, я вижу свет, – сказал он. – Явился не запыхавшийся наш щеголь.

– На чем это он прикатил? – спросил Лигур.

– Это называется машина. Такая самобеглая карета, – пояснил Хастур. – Полагаю, во время твоего последнего визита их еще не изобрели. Во всяком случае, не запустили в массовое производство.

– А, помню. Впереди них всегда ходил тип с красным флагом, – откликнулся Лигур.

² Эти часы сделали на заказ персонально для Кроули. Подобные безделицы – невероятно дорогое удовольствие, однако он мог себе такое позволить. *Его* часы показывали время двадцати столиц мира подлунного и еще одной столицы Мира Иного, время в которой навечно застыло на отметке «Слишком Поздно».

– Ну, с тех пор тут кое-что изменилось.

– Кто он хоть такой, этот Кроули? – спросил Лигур.

Хастур сплюнул.

– Ошивается здесь с давних пор, – проворчал он. – С самого Начала. И, по-моему, совсем отуземился. Разъезжает на машине и прямо за рулем треплется по телефону.

Лигур пытался оценить услышанное. Подобно большинству демонов, он имел очень скудные понятия о технологии и как раз собирался сказать, что для этого, должно быть, нужна целая уйма проводов, но в эту самую минуту «Бентли», взвизгнув шинами, остановился у ворот кладбища.

– И вечно шляется в солнцезащитных очках, – фыркнул Хастур. – Даже по ночам. – Он немного повысил голос. – Слава Сатане!

– Слава Сатане! – повторил Лигур.

– Приветик, – сказал Кроули, небрежно помахав рукой. – Уж извините за опоздание, но сами знаете, как сложно проехать по А40 возле Дэнхема, так что я попытался срезать и рванул через Чорливуд, а потом...

– Ныне, когда мы встретились наконец, – многозначительно прервал его Хастур, – нам должно отчитаться за Деяния минувшего дня.

– А, ну да... Деяния, – проворчал Кроули со слегка виноватым видом, какой бывает у человека, впервые за долгие годы заглянувшего в церковь и успевшего подзабыть, что, собственно, там полагается делать.

Хастур прочистил горло.

– Я искусил священника, – сказал он. – Он шел по улице и взглянул на загорающих красоток, а я заронил в его душу Сомнение. Он мог бы стать святым, но теперь лет через десять будет наш.

– Мило, – с готовностью похвалил Кроули.

– А я совратил политика, – сообщил Лигур. – Внушил ему, что в небольшой взятке нет ничего страшного. За год он будет наш.

Оба герцога выжидающе взглянули на Кроули, ответившего им широкой улыбкой.

– Вам это понравится, – пообещал он.

Его улыбка стала еще более заговорщицкой и лучезарной.

– Я на сорок пять минут во время обеденного перерыва заблокировал все мобильные телефоны в центре Лондона, – сказал Кроули.

Наступила тишина, которую нарушало лишь далекое шуршание машин.

– Ну? – наконец сказал Хастур. – И что?

– Послушайте, это было нелегко, – заметил Кроули.

– Это все? – хмыкнул Лигур.

– Поймите, люди...

– Что именно ты сделал, дабы обеспечить нашего владыку грешными душами? – поинтересовался Хастур.

Кроули постарался взять себя в руки.

Что он мог сказать? Что двадцать тысяч человек были чертовски разъярены? Что по всему городу сжались артерии, даже треск пошел? И что, вернувшись на рабочее место, люди принялись срывать свой гнев на дорожных инспекторах, секретарях или вообще на первом встречном? Что они заразили своим гневом окружающих, а те – и это самое главное! – весь остаток дня *сами измышляли* всевозможные способы мелкого отмщения? Последствия трудно даже вообразить. Тысячи и тысячи душ покрылись тонкой патиной порока, а Кроули практически пальцем о палец не ударил.

Впрочем, таким, как Хастур и Лигур, объяснить это было невозможно. Умственное развитие большинства демонов – на уровне четырнадцатого века. Они долгие годы тратят на

совращение одной-единственной души. Конечно, *мастерства* у них не отнимешь, однако в нынешние дни нужно мыслить иначе. Теперь главное – не глубина, а широта охвата. Учитывая, что население Земли увеличилось до пяти миллиардов, нельзя уже таскать грешников в Ад поодиночке – пора действовать масштабнее. Но демонам типа Лигура и Хастура этого не понять. Им в жизни не выдумать такую штуку, как телевещание на валлийском. Или НДС. Или Манчестер.

Манчестер его особенно радовал.

– Власти предержавшиеся, кажется, вполне довольны моими действиями, – пожал плечами Кроули. – Времена меняются. Ну а вы с чем ко мне пожаловали?

Хастур пошарил за надгробием.

– А вот с чем, – сказал он.

Кроули уставился на корзину.

– О нет, – выдохнул он.

– О да, – ухмыляясь, возразил Хастур.

– *Уже?*

– Ага.

– И, гм, значит, я должен?..

– *Именно.* – Хастур явно наслаждался.

– Но при чем здесь я? – в отчаянии воскликнул Кроули. – Ты же меня знаешь, Хастур, это совсем не моя сфера...

– Как раз твоя, – перебил Хастур. – Твоя сфера деятельности. Твоя звездная роль. Радуйся. Времена меняются.

– Точно, – ухмыляясь, поддакнул Лигур. – Недолго им осталось, временам-то.

– Но почему я?

– Видимо, к тебе относятся с особой благосклонностью, – процедил Хастур. – Думаю, ради такой возможности Лигур не раздумывая пожертвовал бы своей правой рукой.

– Что верно, то верно, – согласился Лигур. «Уж чьей-то рукой наверняка, – добавил он про себя. – Мало, что ли, вокруг правых рук – зачем своей-то разбрасываться?»

Хастур извлек из-под полы грязного плаща планшет.

– Распишись. Здесь, – велел он, сделав между словами жуткую паузу.

Кроули рассеянно пошарил во внутреннем кармане и извлек ручку. Блестящую, матово-черную – казалось, ей ничего не стоит преодолеть звуковой барьер.

– Симпатичная вещица, – заметил Лигур.

– Может писать даже под водой, – пробормотал Кроули.

– До чего они только еще додумаются? – покачал головой Лигур.

– Ни до чего, если не будут шевелить мозгами быстрее, – хмыкнул Хастур. – *Нет.* Не А.Д. Кроули. Подписывайся настоящим именем.

Кроули мрачно кивнул и изобразил на бумаге сложный витиеватый знак, который на мгновение полыхнул огнем и погас.

– И что мне теперь делать? – спросил он.

– Придет время, получишь инструкции, – хмуро ответил Хастур. – Чего это ты так волнуешься, Кроули? Близится час, ради которого мы трудились все минувшие столетия!

– Да. Верно, – согласился Кроули. Сейчас он сильно отличался от того раскованного, ловкого парня, который легко выскочил из «Бентли» несколько минут назад. Вид у него стал каким-то загнанным.

– Близится час нашего вечного триумфа!

– Триумфа. Да, – сказал Кроули.

– И ты станешь орудием великого предназначения!

– Орудием. Да, – пробормотал Кроули. Он взял корзинку с такой осторожностью, словно опасался, что она вот-вот взорвется. Образно говоря, именно это с ней вскоре и произойдет. – Э-э. Ну ладно, – сказал он. – Тогда, пожалуй, э-э, мне пора. Ну, я пошел? Хочется побыстрее со всем этим покончить. Да нет, не в смысле «покончить», – поспешно добавил Кроули, осознав, что может случиться, если Хастур представит начальству отрицательный отзыв о нем. – Но вы же меня знаете. Работа прежде всего.

Старшие демоны молчали.

– Значит, буду ждать инструкций, – промямлил Кроули. – Увидимся, парни... До скорой встречи. Э-э. Все путем. Чао.

Глядя, как «Бентли» исчезает в ночной тьме, Лигур спросил:

– Какой такой путь? И при чем здесь чай?

– Не чай, а чао. По-итальянски это значит «еда», – ответил Хастур. – Кажется.

– Занятно он выражается. – Лигур пристально поглядел вслед задним фарам «Бентли». – Ты ему доверяешь?

– Нет, – отрезал Хастур.

– И правильно, – сказал Лигур. «Плохи были бы дела, – мельком подумал он, – если бы демоны вдруг начали доверять друг другу».

Кроули на своем «Бентли» со свистом мчался в ночи где-то западнее Эмершема. Пошарив в бардачке, он наугад вытащил кассету и извлек ее из хрупкого пластмассового футляра, одновременно пытаясь не слететь с дороги. Встречные фары озарили этикетку: «Времена года» Вивальди. Спокойная музыка, как раз то, что надо.

Он вставил кассету в магнитофон.

– Очерточерточерт... Ну почему именно сейчас? Почему я? – бормотал он, а тем временем его омывали вечнозеленые мелодии: лучшие песни группы «Queen».

И вдруг с ним заговорил Фредди Меркьюри.

ПОТОМУ ЧТО ТЫ ЗАСЛУЖИЛ ЭТО, КРОУЛИ.

Кроули сквозь зубы благословил магнитофон. Это ведь он предложил использовать электронику в качестве канала связи, и Внизу сразу подхватили его идею – но, как водится, совершенно ее извратили. Он-то надеялся, что убедит их закупить мобильники, но вместо этого, когда возникала надобность, они просто прерывали то, что он слушал, и вещали свое.

Кроули вздохнул.

– Премного благодарен, владыка, – сказал он.

МЫ ВЕРИМ В ТЕБЯ, КРОУЛИ.

– Благодарю, владыка.

ТЫ ПОЛУЧИЛ ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ, КРОУЛИ.

– Я понял, понял.

ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНОЕ, КРОУЛИ.

– Положитесь на меня, владыка.

ЧТО МЫ И ДЕЛАЕМ, КРОУЛИ. И, ЕСЛИ ЧТО-ТО СОРВЕТСЯ, ВСЕ ПРИЧАСТНЫЕ СИЛЬНО ПОСТРАДАЮТ. ДАЖЕ ТЫ, КРОУЛИ. ОСОБЕННО ТЫ.

– Понятно, владыка.

ВОТ ТВОИ ИНСТРУКЦИИ, КРОУЛИ.

Миг – и знание пришло к нему. Кроули поморщился. Неужели нельзя просто рассказать? Нет, обязательно надо сбросить прямо в мозг холодные слова. Итак, он должен ехать в какую-то богадельню.

– Я буду там через пять минут, владыка, нет проблем.

ХОРОШО. Вижу я – чей-то стоит силуэт, скарамуи, скарамуи, может, спляшем фанданго?..

Кроули саданул по рулю. Последние несколько столетий все шло так прекрасно, все было под контролем... И что в итоге? Стоит вообразить, будто стоишь на вершине мира, как вдруг – вот тебе, бабушка, и Армагеддон. Великая война, Последняя битва. Рай против Ада, три раунда, одно Падение, апелляции не принимаются. И всё, приехали. Конец света. Иначе говоря, конец мира. Мир закончится, и останутся лишь вечные Небеса или, если выиграет другая сторона, вечный Ад. Еще неизвестно, что хуже.

Ну, Ад, разумеется, хуже по определению. Однако Кроули неплохо помнил Рай и знал, что между ним и Адом есть кое-что общее. Во-первых, приличной выпивки ни там, ни там не съешь. А во-вторых, райская скука так же ужасна, как адские страсти.

Но выхода все равно нет. У демонов нет свободы воли.

– *Я тебя не отпущу (отпусти!)*...

Что ж, по крайней мере, все это случится не в нынешнем году. Он еще успеет кое-что предпринять. Первым делом надо избавиться от долгосрочных вкладов...

«Интересно, – вдруг подумал он, – а что, если остановить сейчас машину, прямо здесь, на этой темной, мокрой, пустынной дороге, взять корзинку, раскрутить ее посильнее и ка-а-ак отпустить...»

Случится нечто ужасное, это уж точно.

Когда-то он был ангелом. И опадении даже не помышлял. Просто связался с дурной компанией.

«Бентли» мчался в черноте ночи; стрелка, показывающая уровень бензина в баке, замерла на нуле. Она стояла там уже седьмой десяток лет. Все-таки в жизни демонов есть свои плюсы. Прежде всего, не надо покупать бензин. Единственный раз Кроули купил бензин в 1967 году, чтобы бесплатно заполучить переводную картинку из Джеймса Бонда, фильма про которого в то время с удовольствием смотрел. Клевая такая картинка была, как будто тебе в ветровое стекло попала пуля...

Существо в корзине, стоявшей на заднем сиденье, зашло в крике: вопль новорожденного, подобный вою сирены перед воздушным налетом. Пронзительный. Бессловесный. И древний.

«А больница очень даже ничего, – подумал мистер Янг. – Если б не монахини, тут было бы еще и спокойно».

Впрочем, монашки ему нравились. Не то чтобы он был извращенцем каким. В церковь мистер Янг почти не ходил, но при этом был твердо уверен: уж если не ходить, то в старинную, почтенную англиканскую церковь Святого Сесила и Всех Ангелов, а о других и речи быть не может. Там все не так: не та мастика для полов в Низкой церкви, довольно сомнительный ладан в Высокой. Где-то в глубине кожаного кресла своей души мистер Янг понимал, что Господа смущают подобного рода вещи.

В то же время к монашкам мистер Янг относился с симпатией – как, допустим, к Армии спасения. Глядя на тех и на других, он чувствовал некую уверенность, что *все в порядке* и благодаря таким людям мир еще вернется.

Однако к испытанию Неумолчным орденом святой Бериллы³ он оказался не готов. Дейрдре, его жена, случайно познакомилась с монашками во время одной из своих авантур – воз-

³ Считается, что святая Берилла Артикулатус Краковская скончалась мученической смертью в середине пятнадцатого

можно, той, что была связана с кровожадными латиноамериканцами, воюющими против других, не менее кровожадных латиноамериканцев, тогда как священники, вместо того чтобы читать миролюбивые проповеди и составлять графики дежурства в церквях, только подливали масла в огонь.

Суть в том, что монахини должны быть тихими. Именно этого от них и ждешь – как, скажем, от тех шуток, которые, как туманно представлялось мистеру Янгу, используют при тестировании аудиоцентров. В общем, монахиням не следует непрерывно трещать.

Он наполнил трубку табаком (и вот это они называют табаком, нет, я бы это табаком не назвал, то ли дело старый добрый табак) и задумался, уместно ли спросить у монашки, где тут мужская уборная. Папа римский вполне может прислать возмущенную открытку. Мистер Янг поерзал на стуле и взглянул на часы.

Правда, есть один плюс: по крайней мере, здешние монахини решительно воспротивились тому, чтобы он присутствовал при родах. А Дейрдре именно об этом и мечтала. Опять начиталась какой-то чепухи. Ожидая второго ребенка, она вдруг заявила, что роды должны стать самым радостным совместным переживанием любящих супругов. Вот что бывает, если позволить жене самостоятельно выписывать прессу. Мистер Янг не доверял газетам, в которых были разделы типа «Твой стиль жизни» или «Дискуссионный уголок».

Вообще-то он ничего не имел против радостных совместных переживаний, даже наоборот – склонялся к мысли, что их в мире должно быть как можно больше. Однако мистер Янг вполне ясно дал понять, что этим конкретным совместным переживанием Дейрдре насладится в одиночку.

И монашки согласились. Они не видели смысла привлекать к этому делу отца. Хотя, если задуматься, рассудил мистер Янг, они и в самих отцах, скорее всего, смысла не видели.

Мистер Янг закончил утрамбовывать в трубке так называемый табак и свирепо глянул на табличку, которая сообщала, что посетителям ради их собственного благополучия рекомендуется воздерживаться от курения. Тогда он решил ради собственного благополучия пойти и постоять на крыльце. А если рядом найдутся кустики погуще, то его благополучие будет совсем счастливо.

Пройдя пустыми коридорами, он обнаружил дверь, которая вела в умытый дождем двор, полный добродетельных контейнеров с мусором.

Поежившись, мистер Янг сложил ладони домиком, чтобы разжечь трубку.

Такое с ними бывает, с женами то есть, в определенном возрасте. После двадцати пяти лет безупречной совместной жизни они вдруг как с цепи срываются. Надевают розовые гетры с обрезанными носками, дергаются, как роботы, и называют это физическими упражнениями. Упрекают вас в том, что им никогда не приходилось зарабатывать на жизнь. В гормонах все дело, а может, еще в чем.

К мусорным контейнерам подкатила большая черная машина, из которой под моросящий дождик выскочил молодой человек в черных очках. Он осторожно направился к крыльцу, держа в руках нечто вроде переносной колыбельки.

Мистер Янг вытащил изо рта трубку.

– Вы забыли погасить фары, – любезно подсказал он.

века. По преданию, девушку вопреки ее воле выдали замуж за язычника принца Казимира, и в первую брачную ночь Берилла молила Бога вмешаться, в глубине души надеясь, что, может быть, у нее чудесным образом вдруг вырастет борода. Девушка даже подготовила для такого случая маленькую дамскую бритву с ручкой из слоновой кости, однако Господь даровал ей чудесную способность неустанно болтать о любой чуши, что придет на ум, без передышки и перерывов на еду. Согласно одной из версий легенды, Берилла была задушена князем Казимиром через три недели после свадьбы, так и не став его женой. Она умерла девственной мученицей, не умолкая до самой кончины. Правда, согласно другой версии, Казимир обзавелся пачкой затычек для ушей, и святая Берилла умерла в возрасте шестидесяти двух лет, мирно почив в супружеской постели. Послушницы Неумолчного ордена дают обет неустанно следовать примеру своей покровительницы, за исключением получасовой паузы во вторник после полудня, когда монахиням разрешается хранить молчание и при желании играть в настольный теннис.

Бросив на него бессмысленный взгляд, однозначно говоривший, что фары сейчас волнуют его меньше всего на свете, мужчина неопределенно махнул рукой в сторону «Бентли». Огни погасли.

– Как удобно, – заметил мистер Янг. – Инфракрасный выключатель, да?

Его слегка удивило, что, несмотря на дождь, мужчина выглядит совершенно сухим. А также что колыбелька, похоже, не пустая.

– Ну как, началось? – спросил незнакомец.

Мистер Янг почувствовал смутную гордость от того, что в нем сразу признали будущего родителя.

– Ага, – подтвердил он и с благодарностью в голосе добавил: – А меня выгнали.

– Уже? И долго нам еще ждать?

«Нам», – отметил про себя мистер Янг. Очевидно, это врач, которому импонирует идея совместных родов.

– Кажется, мы, э-э, вот-вот закончим, – сказал мистер Янг.

– В какой она палате? – быстро спросил незнакомец.

– Мы в третьей, – ответил мистер Янг. Похлопав себя по карманам, он вытащил потрепанную пачку, которую, согласно традиции, захватил с собой. – Не желаете ли разделить со мной радостное сигарное переживание? – осведомился он.

Но незнакомец уже исчез.

Мистер Янг аккуратно убрал пачку в карман и задумчиво поглядел на свою трубку. Всегда-то они в спешке, эти доктора. Трудятся без роздыху целый Божий день.

Есть такой фокус с горошиной и тремя наперстками, за перемещением которых чертовски трудно уследить. Вот и сейчас произойдет нечто подобное – правда, ставки значительно выше, чем пригоршня мелочи.

Текст романа будет специально замедлен, чтобы читатель мог разглядеть каждое движение.

Миссис Дейрдре Янг в третьей палате рождает златовласого младенца мужского пола, которого мы назовем «Ребенок № 1».

Супруга американского атташе по культурным связям, миссис Гарриет Даулинг, в четвертой палате рождает златовласого младенца мужского пола, которого мы назовем «Ребенок № 2».

Сестра Мэри Таратора с рождения была убежденной сатанисткой. Девочкой она ходила в Шабашную школу, где неизменно получала черные звезды за чистописание и дурное поведение. Когда ей велели вступить в Неумолчный орден, Мэри смиренно приняла назначение – к болтовне у нее был природный талант, да к тому же она знала, что окажется среди друзей. Смышлености Мэри было не занимать (что так и осталось для нее тайной, ибо жизнь не предоставила ей шанса в этом убедиться), однако она давным-давно обнаружила, что ротозеям куда легче идти по жизни. В настоящий момент ей вручают златовласого младенца мужского пола, которого в дальнейшем мы будем называть Врагом Рода Человеческого, Разрушителем Царств, Ангелом Бездны, Великим Зверем, имя коему Дракон, Князем Мира Сего, Отцом Лжи, Порождением Сатаны и Владыкой Тьмы.

Следите внимательно. Вот шарик есть...

– Неужели это он и есть? – спросила сестра Мэри, вглядываясь в младенца. – Я-то думала, у него глаза будут странные. Красные там или зеленые. Или хоть крохотные копытца. Или

симпатичный хвостик, – трещала она, взяв младенца на руки и разглядывая его со всех сторон. Даже рожек – и тех не было. Дьявольский ребенок выглядел зловеще нормальным.

– Да, это он, – сказал Кроули.

– Вот уж не думала не гадала, что мне доведется держать на руках самого Антихриста, – призналась сестра Мэри. – Купать Антихриста в ванночке. Пересчитывать ути-какие пальчики...

Она уже тетешкала младенца, полностью погрузившись в свой мир. Кроули помахал ладонью у нее перед глазами.

– Эгей? Сестра Мэри? Очнитесь!

– Простите, сэр, но он такая бубочка. И что, похож на своего папу? Ну, конечно, мы похожи, мы так похожи на нашего папочку...

– Совсем не похож, – перебил ее Кроули. – А сейчас я бы на вашем месте поспешил в родильные палаты.

– Интересно, а он вспомнит меня, когда вырастет? Как вы думаете? – мечтательно спросила сестра Мэри, шагая по коридору.

– Молитесь, чтобы не вспомнил, – бросил Кроули и был таков.

Сестра Мэри шла по ночной больнице, держа в руках Врага Рода Человеческого, Разрушителя Царств, Ангела Бездны, Великого Зверя, имя коему Дракон, Князя Мира Сего, Отца Лжи, Порождение Сатаны и Владыку Тьмы. Отыскав свободную кроватку, она положила туда младенца.

Малыш забулькал. Она пощекотала его.

В дверь просунулась голова старшей сестры.

– Сестра Мэри, что вы здесь делаете? Разве ваше место сейчас не в четвертой палате?

– Но господин Кроули сказал...

– Ну же, дорогая моя, поторапливайтесь. Вы не знаете, куда подевался наш новоиспеченный отец? Его нет в приемной.

– Я видела только господина Кроули, и он сообщил мне, что...

– Разумеется, разумеется, – резко прервала ее сестра Грейс Многоречива. – Полагаю, мне лучше пойти и разыскать беднягу. А вы идите в палату и глаз не спускайте с матери, ясно? Она еще не совсем пришла в себя, но с младенцем все отлично. – Сестра Грейс помедлила. – Почему вы все время подмигиваете? Соринка в глаз попала?

– Ну, вы же знаете! – прошептала сестра Мэри. – Младенцы. Обмен...

– Конечно, конечно. Но всему свое время. Нельзя же, чтобы по нашей больнице шнырял потерявшийся отец, правда? – заметила сестра Грейс. – Мало ли куда ему вздумается сунуть нос. Будьте умницей, ждите здесь и приглядывайте за ребенком.

Она медленно уплыла по сияющему чистотой коридору. Сестра Мэри, толкая перед собой кроватку, вошла в родильную палату.

Миссис Янг и правда еще не совсем пришла в себя. Точнее, она крепко спала с умиротворенным и слегка самодовольным видом человека, который знает, что его работа выполнена и теперь суетиться должны другие. Ребенок № 1 сопел рядом, взвешенный и снабженный ярлычком с именем. Сестра Мэри, с юных лет приученная не сидеть без дела, сняла ярлычок, скопировала его и прицепила дубликат к младенцу, отданному на ее попечение.

Младенцы выглядели почти одинаково: оба маленькие, пятнистые и чем-то – но не вполне – похожие на Уинстона Черчилля.

А теперь, подумала сестра Мэри, я бы не отказалась от чашки чаю.

Монахини ордена по большей части были сатанистками старой закалки, вслед за родителями и пращурами. Их с рождения воспитывали в соответствующем духе, но, если разобраться, особого зла они не приносили. Вообще, люди в большинстве своем не так уж злы. Они просто слишком увлекаются новыми идеями. Интересно же влезть в высокие сапоги и расстре-

лять кого-нибудь, или принарядиться в белые простыни и кого-нибудь линчевать, или натянуть вываренные джинсы и сбавать кому-нибудь на гитаре. Предложите людям новое кредо вкупе с новым нарядом, и вы мгновенно завладеете их сердцами и умами. Но если вас взрастили сатанистом, ничего свежего в этом учении вы уже не найдете. Да, есть чем заняться в субботу вечером, но все остальное время вы, как и любой человек, живете в меру сил и возможностей. Кроме того, сестра Мэри была медсестрой, а медсестры, какую бы веру ни исповедовали, в первую очередь верны своей профессии: носят часы циферблатом вниз, хранят спокойствие в чрезвычайных ситуациях и лелеют мечту о чашке чая. Сестра Мэри очень надеялась, что скоро ее кто-то подменит; свою миссию она исполнила, и сейчас ей хотелось чаю.

Человеческую историю гораздо легче понять, если уяснить себе: большинство великих побед и трагедий произошло не потому, что их виновники были по натуре своей плохими или хорошими. Они по натуре своей были людьми.

Раздался стук в дверь. Сестра Мэри открыла.

– Ну как, уже? – спросил мистер Янг. – Я отец. Муж. Неважно. Оба.

Сестра Мэри ожидала, что американский атташе по культурным связям будет похож на адвоката из «Династии» или «Санта-Барбары», а мистер Янг вообще не походил на американцев, как их показывают по телевизору. Ну, разве что на добродушного шерифа из хорошего детективного сериала⁴. Вид у него был не слишком впечатляющий, да и джемпер оставлял желать лучшего.

Она постаралась скрыть разочарование.

– А-а, да-да-да, – сказала она. – Поздравляю. Ваша супруга спит, бедняжка.

Мистер Янг заглянул ей через плечо.

– Близнецы? – спросил он и полез в карман за трубкой. Потом вынул руку из кармана и снова запустил ее туда. – Двойня? Нам насчет близнецов ничего не говорили.

– Нет-нет! – поспешно воскликнула сестра Мэри. – Вот этот ваш. А другой... э-э... тут есть еще одна роженица. Мне просто велели присмотреть за ним, пока сестра Грейс не вернется. Нет, – повторила она, указывая на Врага Рода Человеческого, Разрушителя Царств, Ангела Бездны, Великого Зверя, имя коему Дракон, Князя Мира Сего, Отца Лжи, Порождение Сатаны и Владыку Тьмы. – Вот этот ваш. Точно. От макушечки до самых что ни на есть копытушек... которых у него, конечно, нету, – торопливо добавила она.

Мистер Янг воззрился на младенца.

– М-м, да, – произнес он с сомнением. – Видимо, в мою родню пошел. У него... э-э... все в порядке?

– Ну конечно! – тут же откликнулась сестра Мэри. – Вполне нормальный ребенок. Очень даже нормальный.

Пауза. Они молча разглядывали спящего малыша.

– А у вас и акцента почти нет, – сказала сестра Мэри. – Давно здесь живете?

– Лет десять, – пожал плечами мистер Янг, слегка озадаченный вопросом. – Перевели по службе, ну, я и переехал.

– Мне всегда казалось, что ваша работа ужасно интересная, – заметила сестра Мэри.

Мистер Янг просиял. Не всякий способен по достоинству оценить бухгалтерское дело.

– Наверное, у вас на родине все совсем по-другому, – продолжала сестра Мэри.

– Пожалуй, что так, – кивнул мистер Янг, хотя никогда об этом не задумывался. Лутон, сколько помнилось, мало чем отличался от Тадфилда. Такие же изгороди между домами, такая же станция на железной дороге. И люди, в общем, такие же.

⁴ Где расследование ведет хрупкая благообразная старушка. И никаких автомобильных гонок, разве что на первой скорости.

– Ну, во-первых, дома у вас там, конечно, повыше... – продолжала сестра Мэри, отчаянно пытаясь поддержать беседу.

Мистер Янг в недоумении воззрился на нее. Единственным высоким зданием, которое он мог припомнить, был банк «Альянс и Лестер».

– Да и все эти приемы... Устаете, наверное, очень? – продолжала монахиня.

Наконец-то. Теперь он почувствовал себя более уверенно. Дейрдре очень любила гостей.

– О да, – с чувством подтвердил он. – И Дейрдре сама делает джем. А мне обычно приходится стоять на раздаче слонов.

Сестра Мэри никогда не знала, что в Букингемском дворце имеется слонятник. Конюшни – да, были. Впрочем, кто их знает, этих аристократов?

– Что ж, – осторожно предположила она, – подарки всякие бывают. Нашей королеве чего только не дарят, я читала.

– Простите?

– Я просто обожаю семью ее величества!

– И я тоже! – сказал мистер Янг, с благодарностью вспрыгивая на новую льдину, которую принес поток сознания этой странной медсестры. Да, с королевской семьей не пропадешь. Разумеется, с теми, кто делом занят – машет подданным или торжественно открывает мосты. А не с теми, кто отплясывает на дискотеках и спьяну блюет на папарацци⁵.

– Хорошо-то как! – обрадовалась сестра Мэри. – Я-то думала, у вас их не очень жалуют, после всех этих революций, когда вы чайные сервизы в реку побросали.

Она продолжала трещать, вдохновляемая уставом своего Ордена, основной постулат которого гласил: болтай все, что на ум придет. Вскоре мистер Янг окончательно потерял нить разговора, но он уже слишком устал, чтобы этим огорчаться. Монашеская жизнь, решил он. И не такого от человека можно ждать. Больше всего на свете ему хотелось одного: чтобы миссис Янг поскорее проснулась. Но вдруг одно из слов в пространном монологе сестры Мэри нашло в его душе живой отклик.

– Кстати, – отважился вставить он, – нельзя ли здесь у вас выпить чашечку чая?

– Ой, надо же! – воскликнула сестра Мэри и в ужасе прикрыла рот рукой. – О чем я только думаю?

На это мистер Янг ничего не ответил.

– Сейчас же все устрой, – сказала она. – А может, кофе? У нас на втором этаже есть автоматическая кофеварка.

– Чай, пожалуйста.

– Подумать только, вы ну совсем отуземились! – весело заметила сестра Мэри, выбегая из палаты.

Оставшись наедине с дремлющей женой и двумя сопящими младенцами, мистер Янг без сил опустился на стул. Должно быть, все здесь поднимаются ни свет ни заря, творят молитвы и все такое прочее. Добрые люди, ничего не скажешь, но не совсем вменяемые. Он смотрел однажды фильм Кена Рассела, там тоже были монашки. По сравнению с тем фильмом все, что здесь творится, – еще цветочки. Правда, нет дыма без огня и так далее...

Он вздохнул.

Тут Ребенок № 1 проснулся и принялся довольно громко вопить.

Мистеру Янгу уже давненько не приходилось успокаивать орущих детей. Да особой склонности к этому занятию он и не испытывал. Мистер Янг слишком уважал сэра Уинстона Черчилля, чтобы вот так запросто похлопать по попке его маленькую копию.

– Добро пожаловать в этот мир, – устало сказал он. – Ничего, привыкнешь.

⁵ Здесь не лишним будет упомянуть, что мистер Янг искренне полагал, будто папарацци – это итальянский линолеум.

Младенец закрыл рот и сердито уставился на мистера Янга, словно император – на мятежного генерала.

Сестра Мэри подросла со своим чаем как раз вовремя. Что бы там ни говорили о сатанистах, она даже захватила блюда с печенюшками, какие всегда остаются несъеденными. Мистеру Янгу досталось печенье, покрытое хирургически-розовой глазурью и украшенное белым сахарным снеговиком.

– Наше традиционное угощение к чаю, – сообщила сестра Мэри. – Вы называете их печеньем, а мы – бисквитами.

Мистер Янг хотел было объяснить, что в Лутоне обычаи точно такие же, но вдруг в палату влетела вторая монахиня, изрядно запыхавшаяся.

Она метнула взгляд на сестру Мэри, однако, узнав в мистере Янге человека, который в жизни не видывал ни единой пентаграммы, ограничилась лишь тем, что показала на Ребенка № 1 и заговорщицки подмигнула.

Сестра Мэри кивнула и подмигнула в ответ.

Монахиня выкатила из палаты коляску с ребенком.

Подмигивание – весьма многозначный способ человеческого общения. Можно многое сказать одним подмигиванием. Например, вторая монахиня имела в виду:

Где, черт возьми, тебя носит? Ребенок № 2 уже родился, мы готовы поменять младенцев местами, а ты торчишь в другой палате с Врагом Рода Человеческого, Разрушителем Царств, Ангелом Бездны, Великим Зверем, имя коему Дракон, Князем Мира Сего, Отцом Лэжи, Порождением Сатаны и Владыкой Тьмы и чаи гоняешь. А меня чуть не пристрелили!

Ответное подмигивание сестры Мэри было истолковано так:

Вот он, Враг Рода Человеческого, Разрушитель Царств, Ангел Бездны, Великий Зверь, имя коему Дракон, Князь Мира Сего, Отец Лэжи, Порождение Сатаны и Владыка Тьмы, но я не могу сейчас говорить, поскольку здесь посторонний.

Тогда как сестра Мэри решила, что условное подмигивание сестры Грейс значило нечто вроде:

Как славно, сестра Мэри, что ты успела поменять младенцев. Теперь покажи мне лишнего ребенка, и я увезу его, чтобы ты могла и дальше распивать чаи с его культурнейшим превосходительством.

И, следовательно, ее собственное подмигивание переводилось вот как:

Дорогуша, вот Ребенок № 2, уноси его скорее, а я еще немножко поболтаю с его превосходительством. Мне всегда хотелось узнать, зачем эти американцы строят такие высоченные дома, да еще сплошь покрытые зеркалами.

Тонкости их молчаливого диалога были совершенно недоступны для понимания мистера Янга, до крайности смущенного подмигиванием, которое явно свидетельствовало о тайной любовной связи. В голове у него крутилось только одно: «Да, мистер Рассел знал, о чем говорит!»

Вторая монашка могла бы распознать ошибку сестры Мэри, если бы не агенты спецслужбы, которые расположились в палате миссис Даулинг и глядели на сиделку с нарастающим беспокойством. Их профессиональная подготовка подразумевала вполне определенное отношение к людям в длинных ниспадающих одеяниях и объемных головных уборах, так что сейчас они испытывали весьма противоречивые чувства. А людям, носящим огнестрельное оружие, строго противопоказано волноваться. Вдобавок совсем недавно секретные агенты стали свидетелями естественного процесса родов, который весьма отличался от американского способа прироста населения. К тому же они слышали, что этот дом кишмя кишит религиозными фанатиками.

Миссис Янг пошевелилась.

– Вы уже решили, как назовете малыша? – игриво спросила сестра Мэри.

– Гм-м-м? – сказал мистер Янг. – А. Нет, еще не совсем. Если бы родилась девочка, ее назвали бы Люсиндой в честь моей матушки. Или Жермен – так хотелось Дейрдре.

– А мне Полынь нравится, – сказала монахиня, припоминая классику. – Или Демьен. Демьен – это сейчас модно.

* * *

Анафеме Гаджет («Какое прекрасное имя!») – решила ее мама, не слишком сведущая в религиозных вопросах) было восемь с половиной лет. Спрятавшись под одеялом и вооружившись фонариком, она читала Книгу.

Обычные дети учатся читать по букварям с цветными изображениями арбузов, барашков, вредителей домашних и так далее. Но только не в семействе Гаджет. Анафема училась читать по Книге.

В этой Книге не было ни арбузов, ни барашков. Зато имелась довольно приличная гравюра восемнадцатого века, запечатлевшая сожжение Агнессы Псих на костре. Впрочем, судя по картинке, ведьму вполне устраивало такое развитие событий.

«Превосходная», – шевеля губами, прочла девочка. Редкий ребенок в возрасте восьми с половиной лет осознает, что иногда слово «превосходные» значит «совершенно точные», но Анафема была как раз из этих немногих.

Далее сообщалось, что пророчества Агнессы еще и «недвусмысленная».

А начиналась Книга следующим образом:

«Истинно глаголю те и вверяю тебе словеса сии. Се, явятся Четверо на конях, и паки Четверо, и Трое с теми в небеса поскачут, и Един помчится во пламени. И не заградит путь их ни рыба, ни гроза, ни дорога, ни Дьявол, ниже Ангел. И будеши с теми, Анафемо».

Анафеме нравилось читать о себе.

(Любящие родители, которые выписывают правильные воскресные газеты, порой заказывают для своих детей книжки, в которых героев зовут так же, как этих самых детей. Так пробуждают интерес ребенка к чтению. Но в этой Книге рассказывалось – и притом правдиво, насколько можно было судить, – не только про Анафему, но и про ее родителей, а также бабушек и дедушек и всех прочих предков вплоть до семнадцатого века. Анафема была еще слишком мала и всецело поглощена собственной персоной, а потому не замечала, что в Книге ничего не говорится о ее детях и вообще ее будущее предсказано лишь на одиннадцать лет вперед. Когда вам всего восемь с половиной, грядущие одиннадцать лет кажутся целой жизнью – впрочем, если верить Книге, именно так дела и обстояли.)

Анафема была черноволосой и черноглазой девочкой с умным бледным лицом. Как правило, в ее присутствии люди чувствовали себя неловко – эту черту Анафема унаследовала от своей прапрапрапрабабушки вместе с талантом медиума, который, пожалуй, временами был тяжеловат для ее плеч.

Не по годам развитая девочка обладала также завидной выдержкой. Единственное, к чему осмеливались придирались учителя, так это к ее правописанию, которое было не то чтобы ужасно безграмотным, но устаревшим лет на триста.

Монахини взяли Ребенка № 1 и подменили им Ребенка № 2 прямо под носом у супруги атташе и агентов спецслужбы посредством хитрой уловки: они увезли одного младенца («надо взвесить вашего малютку, таковы правила») и чуть позже привезли обратно уже другого.

Самого атташе по культуре, Тадеуша Дж. Даулинга, несколько дней назад спешно вызвали в Вашингтон, но он был на связи у телефона от начала и до конца родов, поддерживая супругу и помогая ей правильно дышать.

К сожалению, одновременно он разговаривал по другой линии со своим советником по инвестициям. Один раз ему даже пришлось на целых двадцать минут переключить жену в режим ожидания.

Но все прошло благополучно.

Мистер Даулинг считал рождение ребенка самым радостным совместным переживанием любящих супругов и не желал упустить ни секунды.

Поэтому он поручил одному из агентов записать весь процесс на видео.

Зло, как правило, не дремлет, а потому не понимает, с чего бы спать всем остальным. Но Кроули любил вздремнуть, почитая сон одной из радостей жизни в земном мире. Особенно после сытной трапезы. Он проспал, к примеру, почти весь девятнадцатый век – не потому, что нуждался в отдыхе, а просто удовольствия ради⁶.

Одно из наслаждений земной жизни. Надо бы уделить побольше внимания и остальным, пока еще есть время.

«Бентли» с ревом мчался по ночной дороге, направляясь на восток.

Конечно, в общих чертах Кроули горячо поддерживал идею Армагеддона. Если бы его спросили, чего ради он провел множество столетий, так и сяк вмешиваясь в дела человеческие, то он ответил бы: «Ну а как же? Ради грядущего Армагеддона и победы Адовой». Но одно дело – химичить потихоньку во имя туманного приближения этих событий, и совсем другое – стремиться к тому, чтобы они и вправду произошли.

Кроули всегда знал, что рано или поздно ему придется своими глазами увидеть конец света – поскольку он был бессмертен, других вариантов не предусматривалось. Но он надеялся, что до этого еще далеко.

И людей он почти полюбил. Непозволительная слабость для демона.

Разумеется, он прилагал все усилия, чтобы сделать их короткие жизни как можно более несчастными, такая уж работа, но его каверзы были гораздо невиннее тех, что люди придумывали себе сами. У них к этому просто талант. Природный дар, почему-то встроенный в исходный замысел. Придя в мир, полный неприятностей и опасностей, человек посвящает львиную долю энергии тому, чтобы сделать его еще хуже. Кроули уже давно обнаружил, что ему становится все труднее придумать хоть какое-то демоническое деяние, которое выделялось бы на фоне общепринятых гадостей. За прошедшую тысячу лет ему не раз хотелось отправить Вниз послание: «Послушайте, мы можем с тем же успехом бросить все прямо сейчас, попросту закрыть Дит, Пандемониум и прочие лавочки и перебраться сюда; мы не в силах сделать ничего, что бы люди сами себе ни причинили, зато они творят много такого, до чего нам никогда не додуматься, причем нередко – с использованием электричества. Они обладают тем, чего нам так не хватает. У них есть *воображение*. Ну и электричество, разумеется».

Впрочем, не об этом ли написал один из них?.. «Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»

Кроули получил благодарность за испанскую инквизицию. Он и правда жил тогда в Испании, проводя время главным образом в тавернах, и понятия не имел ни о какой инквизиции,

⁶ Хотя в 1832 году он все же проснулся, чтобы сходить в уборную.

пока не получил поздравления с удачно выполненной работой. Тогда он отправился выяснить, за что же его хвалят, и, вернувшись,пил целую неделю.

А этот их Иероним Босх? Вот уж псих-то.

Но стоит вам решить, что люди порочнее всех обитателей Ада, как они вдруг проявляют такое милосердие, что и Небесам не снилось. Причем зачастую речь идет об одном и том же существе. Конечно, во всем виновата так называемая свобода человеческой воли. Фигня редкая.

Однажды (где-то около 1020 года, когда они заключили небольшое Соглашение) Азирафаэль попытался объяснить ему, в чем загвоздка.

– Вся суть, – говорил он, – в том, что человек может быть плохим или хорошим по собственному выбору. В то время как ангелам и демонам раз и навсегда предначертан определенный путь. Люди не смогли бы стать поистине святыми, – сказал он, – не будь у них возможности стать совершенными чудовищами.

Какое-то время Кроули размышлял над его словами, а потом, около 1023 года, спросил:

– Погоди, но ведь это все работает, только если изначально создать равные условия, так? Нельзя рассчитывать, что нищий из грязной лачуги в районе военных действий будет вести себя так же, как тот, кто родился во дворце.

– А! – воскликнул Азирафаэль. – В том-то и фокус. Чем ниже ты начинаешь, тем больше возможностей перед тобой открыто.

– Но это же нелепо, – сказал Кроули.

– Нет, – возразил Азирафаэль. – Всего лишь непостижимо.

Азирафаэль. Он, разумеется, враг. Но враг на протяжении шести тысяч лет – это почти друг.

Кроули наклонился и достал телефон.

Пусть демонам и не положено иметь свободной воли, невозможно прожить столько времени среди людей и не научиться у них кое-чему.

Мистеру Янгу не слишком-то понравились имена Демьен и Полян. Как, впрочем, и остальные предложения сестры Мэри Тараторы, почерпнутые отчасти из демонических источников, отчасти из голливудской классики.

– И все-таки, – слегка обиженно заметила она, – не знаю, чем вам не по душе имя Эррол. Или Кэри. Очень славные американские имена.

– Мне бы хотелось чего-то более, так сказать, традиционного, – пояснил мистер Янг. – Доброе старое имя, как принято в нашей семье.

Сестра Мэри просияла.

– Вот и правильно. Как по мне, так старые имена самые лучшие.

– Приличное имя можно найти в Библии. Матфей, Марк, Лука, Иоанн, – задумчиво произнес мистер Янг. Сестра Мэри поморщилась. – Хотя, по правде сказать, эти имена только в Библии и встречаются, – добавил он. – Устаревшие они какие-то. Разве что Марк...

– Саул – чудное имя, – предложила сестра Мэри.

– Слишком патриархально, – заметил мистер Янг.

– Или Каин. Звучит вполне современно, Каин, право же.

– Гм-м... – Мистер Янг явно сомневался.

– Или, в конце концов... ну, всегда можно назвать мальчика Адамом, – сказала сестра Мэри. «Вреда от этого не будет», – подумала она.

– Адамом? – переспросил мистер Янг.

Мы были бы рады предположить, что сатанистки как-то устроили судьбу лишнего младенца, то есть Ребенка № 2. Что его усыновили и он рос нормальным, счастливым, веселым мальчиком, бойким и жизнерадостным, а в итоге стал обычным, вполне довольным жизнью взрослым мужчиной.

Может, именно так все и было.

Представьте себе грамоту за правописание, которую он получил в начальной школе; его ничем не примечательные, но весьма приятные университетские годы; его работу в бухгалтерском отделе Тадфилд-Нортонской строительной компании; его очаровательную жену. Возможно, вы захотите также придумать ему детей и какое-нибудь хобби – к примеру, реставрацию старинных мотоциклов или разведение тропических рыбок.

Вам лучше не знать, что могло бы случиться с Ребенком № 2.

В любом случае нам больше нравится ваша версия.

Пусть себе получает призы за тропических рыбок.

В окне спальни одного из домиков Доркинга, графство Суррей, горел свет.

Ньютону Пульциферу, двенадцатилетнему тощему очкарику, уже давно следовало быть в постели.

Однако его мать, убежденная в гениальности своего чада, позволяла ему полуночничать и заниматься «экспериментами».

Нынешний эксперимент состоял в замене штепселя у старинного бакелитового радиоприемника, который мама отдала ему в игрушки. Ньютон сидел за выдавшим виды столом, носившим гордое имя экспериментального стенда. Стол был завален мотками проволоки, батарейками и электрическими лампочками, здесь же покоился и самодельный детекторный приемник, доселе не издавший ни звука. Бакелитовое радио тоже упрямо молчало. Впрочем, еще ни один эксперимент Ньютона не увенчался успехом.

Под потолком спальни покачивались на бечевках три кривоватые модели самолетов. Даже небрежный наблюдатель подметил бы, что они сделаны человеком очень старательным и усердным, но нисколько не преуспевшим в моделестроении. Ньютон же отчаянно гордился ими, даже «Спитфайром», у которого он жутко напортачил с крыльями.

Подтолкнув на нос съехавшие очки, Ньютон скосил глаз на штепсель и отложил отвертку.

На сей раз он имел все основания надеяться на лучшее: он выполнил все инструкции по замене штепсельных вилок, приведенные на пятой странице его настольной книги, которая называлась «Справочник юного радиолюбителя. Плюс сто один полезный и абсолютно безопасный совет касательно электричества». Ньютон правильно подсоединил к контактам промаркированные по цвету проводочки, проверил силу тока на предохранителе и закрутил на место все винтики. Итак, все в порядке.

Он вставил вилку в розетку. Включил радиоприемник.

Свет погас во всем доме.

Ньютон засиял от гордости. Это был большой шаг вперед. В предыдущий раз света лишился весь Доркинг, так что дежурный электрик даже зашел побеседовать с его мамой.

Ньютон пылал страстью к электрическим приборам – но без взаимности. В школе стояла вычислительная машина, и полдюжины особо прилежных учеников оставались после уроков, чтобы позаниматься с перфокартами. Когда же учитель информатики, вняв настойчивым мольбам Ньютона, включил его в эту группу, мальчик успел ввести в компьютер лишь одну-единственную перфокарту. Машина проглотила ее и подавилась насмерть.

Ньютон был уверен, что будущее принадлежит компьютерам и, когда это будущее наступит, он должен быть во всеоружии, в первых рядах освоения новой технологии.

Но будущее имело на сей счет собственные планы. Которые описывались в Книге.

«Адам», – подумал мистер Янг. Он произнес это имя погромче, вслушиваясь в его звучание:

– Адам... Гм-м...

Он разглядывал золотистые локоны Врага Рода Человеческого, Разрушителя Царств, Ангела Бездны, Великого Зверя, имя коему Дракон, Князя Мира Сего, Отца Лжи, Порождения Сатаны и Владыки Тьмы.

– А знаете, – немного подумав, подытожил он, – по-моему, он действительно вылитый Адам.

Да, эта ночь была не особенно темной и бурной.

Бурная и темная ночь случилась два дня спустя, примерно часа через четыре после того, как миссис Даулинг, мистер Янг и, соответственно, оба младенца покинули больницу. Выдалась на редкость темная и бурная ночь, и пополуночи, когда гроза достигла апогея, молния ударила в монастырь Неумолчного ордена, воспламенив крышу ризницы.

К счастью, обошлось без жертв, но пожар продолжался несколько часов и нанес зданию приличный урон.

А с ближайшего холма, затаившись, смотрел на огонь поджигатель. Этот высокий и тощий субъект был одним из герцогов преисподней. Перед возвращением в нижние сферы ему надлежало выполнить последнее дело, и он закончил его.

В остальном он вполне мог положиться на Кроули.

Хастур отправился восвояси.

Строго говоря, Азирафаэль занимал в ангельской иерархии чин Начал, но в наши дни мало кто относится к таким вещам всерьез.

В сущности, ни ему, ни Кроули не полагалось знаться друг с другом, но оба они были людьми – по крайней мере, человекоподобными созданиями, – умудренными долгим опытом земной жизни, и Соглашение уже давно приносило выгоду им обоим. Кроме того, когда одна и та же физиономия более-менее постоянно попадаете тебе на глаза в течение шести тысячелетий, к ней поневоле привыкаешь.

Их Соглашение было очень простым – настолько простым, что даже не заслуживало заглавной буквы, которую получило лишь за свой почтенный возраст. Многие агенты, работающие в трудных условиях и далеко от начальства, заключают с коллегами из конкурирующей фирмы подобного рода разумные договоры, сознавая, что с ближайшими соперниками у них куда больше общих интересов, чем с далекими союзниками. Соглашение подразумевало молчаливое невмешательство в дела противной стороны. В итоге никто не выигрывал, никто не проигрывал, зато обеим сторонам удавалось продемонстрировать своему руководству, как далеко они продвинулись в борьбе с коварным и хорошо информированным противником.

Это значило, что Кроули имел свободу действий в Манчестере, но Азирафаэль распоряжался всем Шропширом. Кроули принимался за Глазго, Азирафаэль же выбирал Эдинбург (следует отметить, что ни один из них не приложил руку к Милтон-Кейнсу⁷, но оба доложили о нем в соответствующие инстанции как о крупном успехе).

И к тому же казалось вполне естественным, чтобы они порой подменяли друг друга на посту, когда того требовал здравый смысл. В конце концов, оба они были одним ладаном мазаны. Если кто-то отпраивался в Гуль, чтобы быстренько искусить его жителей, было только логично заодно уж пробежаться по улицам и оделить горожан стандартной разовой порцией благодати. Это было бы сделано так или иначе, а разумный подход позволял обоим сэкономить кучу времени и вдобавок уменьшить издержки.

Из-за этого Азирафаэля, бывало, мучила совесть, но многовековое общение с человечеством оказало на него такое же влияние, как и на Кроули, только с обратным знаком.

Кроме того, ни Верхнее, ни Нижнее начальство, похоже, не волновало, кто именно делает работу, если результат налицо.

И вот сейчас Азирафаэль и Кроули стояли на берегу утиног пруда в Сент-Джеймском парке. Они кормили уток.

Утки в парке Сент-Джеймс так привыкли получать корм из рук секретных агентов, проходящих сюда на тайные встречи, что у них, в точном соответствии с теорией Павлова, развился условный рефлекс. Посадите утку из этого парка в лабораторную клетку, покажите ей фотографию двух мужчин (одного в пальто с меховым воротником, другого в чем-то темном и в кашне) – и она уставится на них с нетерпеливым ожиданием. Более разборчивые утки предпочитают нырять за корочками черного хлеба от русского атташе по культуре, тогда как гурманы смакууют бутерброды с белковой пастой, которыми угощает их начальник британского Управления военной разведки.

Азирафаэль бросил корочку взъерошенному селезню. Тот проглотил ее и тут же пошел ко дну.

Ангел повернулся к Кроули.

– Право же, дорогой мой... – проворчал он.

– Извини, – сказал Кроули. – Забылся.

Сердитая утка вынырнула на поверхность.

– Безусловно, что-то назревало, – продолжал Азирафаэль. – Но отчего-то думалось, что это должно случиться в Америке. Там любят подобные истории.

– Может, и до Америки доберется, – угрюмо сказал Кроули. Его задумчивый взгляд пробежал по парку и остановился на «Бентли», к заднему колесу которого старательно прилаживали штрафной блокиратор.

– Ах да. Американский дипломат, – кивнул ангел. – Эффектный прием, что и говорить. Сделать из Армагеддона эдакий модный блокбастер и продать его во все возможные страны.

⁷ Примечание для американцев и прочих пришельцев. Милтон-Кейнс – новый город примерно на полпути от Лондона к Бирмингему. Его задумали как современный, экономически целесообразный, процветающий центр и, в общем, очень приятное для жизни место. Британцы долго смеялись.

– Во *все* страны, – уточнил Кроули. – Все царства мира.

Азирафаэль высыпал остатки крошек уткам и выкинул в урну пустой бумажный пакет. Утки оценили ситуацию и живо отправились кланчить корм у болгарского морского атташе и его спутника, вороватого вида мужчины в кембриджском галстуке.

Азирафаэль обернулся и прямо взглянул на Кроули.

– Мы выиграем, конечно, – сказал он.

– Но ты этого не хочешь, – ответил демон.

– С чего ты это взял, помилуй Бог?

– Послушай! – в отчаянии воскликнул Кроули. – Скажи, сколько у вас музыкантов? Я имею в виду первоклассных.

Азирафаэль растерялся.

– Ну, я бы сказал... – начал он.

– Два, – опередил его Кроули, – Элгар и Лист. Все. Остальные у нас. Бетховен, Брамс, все Бахи, Моцарт и так далее. Можешь вообразить себе вечность в компании Элгара?

Азирафаэль закрыл глаза.

– Даже слишком хорошо могу, – простонал он.

– В том-то и дело, – сказал Кроули, торжествуя сверкнув глазами. Он отлично знал слабые места Азирафаэля. – Никаких тебе компакт-дисков. Никакого Альберт-холла с его концертами. И летних оперных фестивалей в Глайндборне тоже не будет. Целыми днями одна лишь музыка сфер.

– Непостижимо, – пробормотал Азирафаэль.

– Словно яичница без соли, как ты однажды выразился. Да, кстати говоря. Ни соли, ни яичницы тоже не будет. Ни малосольной семги под укропным соусом. Ни уютных ресторанчиков, где тебя знают в лицо. Ни кроссвордов в «Дэйли телеграф». Ни антикварных магазинчиков. Да и букинистов не останется. Никаких раритетных первоизданий. Никаких, – Кроули почти исчерпал запас знаний об увлечениях Азирафаэля, – серебряных табакерок эпохи Регентства.

– Зато после нашей победы жизнь станет лучше! – прохрипел ангел.

– Но уже не будет такой интересной. Слушай, ты ведь понимаешь, что я прав. С арфой в руках ты будешь так же счастлив, как я с вилами.

– Ты же знаешь, мы не играем на арфах.

– А мы не пользуемся вилами. Я выражался риторически.

Они пристально смотрели друг на друга.

Азирафаэль развел изящными, тщательно ухоженными руками.

– Видишь ли, наши просто в восторге от того, что конец близится. Ради этого ведь все и задумывалось. Последнее, главное испытание. Огненные мечи, Четыре Всадника, моря цвета крови и прочая морока. – Он пожал плечами.

– А потом «Конец игры, бросьте монетку»? – произнес Кроули.

– Иногда ты выражаешься так затейливо, что мне трудно уловить мысль.

– Мне нравятся моря такими, какие они есть. Так нельзя. Просто нелепо разрушать мир до основания ради того, чтобы понять, правильно ли он устроен.

Азирафаэль снова пожал плечами.

– Боюсь, высшая мудрость для тебя непостижима.

Ангел поежился и запахнул пальто. Над городом собирались тучи.

– Пойдем куда-нибудь погреемся, – предложил он.

– Ты приглашаешь? – хмуро отозвался Кроули.

В мрачном молчании они направились к выходу из парка.

– Не то чтобы я был с тобой не согласен, – говорил ангел, пока они брели по траве. – Просто мне предписано повиноваться. Ты же понимаешь.

– Мне тоже, – откликнулся Кроули.
Азирафаэль поглядел на него искоса.
– Да ну? – спросил он. – Ты же все-таки демон.
– И что с того? Неповиновение у нас одобряется лишь в общем смысле. А конкретные случаи жестоко караются.
– То есть конкретные случаи неповиновения *им*?
– Вот именно. Забавно, да? А может, и нет. Как думаешь, сколько у нас еще времени?
Кроули махнул рукой в сторону «Бентли», и машина гостеприимно распахнула дверцы.
– Ну, есть разные предсказания, – сказал Азирафаэль, мягко опускаясь на пассажирское сиденье. – Точно – до конца столетия, хотя необычных явлений можно ожидать и раньше. Большинство пророков уходящего тысячелетия заботились скорее о метрике стиха, чем о точности.
Кроули взглянул на ключ зажигания. Тот провернулся.
– Что-что? – спросил он.
– Ну, понимаешь, – с готовностью сказал ангел. – «И мир перестанет быть с небом в ладу в татата-татата-таком-то году». Вот и подбирали, какой год уложится в этот размер. К примеру, цифра «шесть» точно не влезет, так что все годы, в которых есть шестерки, должны быть довольно безопасными.
– А какого рода явления?
– Двухголовые телята, небесные знамения, гуси, летящие задом наперед, рыбные дожди, ну и прочее в таком роде. Присутствие Антихриста нарушает причинно-следственные связи.
– Гм-м.
Кроули выжал сцепление. Потом что-то вспомнил и щелкнул пальцами.
Блокировка колеса исчезла.
– Давай перекусим, что ли, – сказал он. – Помнится, я задолжал тебе обед – когда бишь это было?
– В 1793-м, в Париже, – ответил Азирафаэль.
– Да, точно. Царство террора. Ваших рук дело или наших?
– Мне казалось – ваших.
– Не помню. Зато ресторанчик был вполне приличный.
Когда они проезжали мимо дорожного инспектора, у того вдруг загорелся блокнот, к немалому удивлению Кроули.
– Я совершенно уверен, что ничего такого не делал, – сказал он.
Азирафаэль покраснел.
– Это я, – признался он. – Мне всегда казалось, что их изобрел кто-нибудь из ваших.
– Неужели? А мы считали, что из ваших.
Кроули еще раз посмотрел на дым в зеркале заднего вида.
– Ладно, – сказал он. – Давай-ка заглянем в «Ритц».
Заказывать столик он даже не собирался. В этом мире такие вещи, как заказ столика, происходили с кем угодно, но не с ним.

Азирафаэль коллекционировал книги. Будь он до конца откровенен с собой, ему пришлось бы признать, что книжный магазин – всего лишь место, где он хранит свою коллекцию (кстати, в его профессии это далеко не редкость). Старательно изображая почтенного букиниста, он использовал все возможные средства, за исключением физического насилия, дабы

удержать клиентов от совершения покупки. Неприятные запахи сырости и плесени, враждебные взгляды, плавающие часы работы – по этой части он стал невероятно изобретательным.

Азирафаэль собирал книги уже давно и, как все коллекционеры, имел свои пристрастия.

Ему принадлежало более шестидесяти книг с предсказаниями, в которых описывались события последних веков второго тысячелетия. Он питал слабость к первоизданиям Оскара Уайльда. И еще у него был полный набор Нечестивых Библий, каждая из которых благодаря ошибке наборщика получила собственное имя.

В их числе была Неправедная Библия, названная так из-за опечатки в Первом послании к Коринфянам: «Или не знаете, что неправедные Царство Божие наследуют?», а также Библия Прелюбодееев, изданная Бейкером и Лукасом в 1632 году, где в седьмой заповеди тоже пропустили частицу «не», получив в итоге: «Прелюбодействуй». Среди прочих имелась Библия Проклинающая («проклинаю тебя» вместо «заклинаю тебя»), Паточная Библия («разве нет патоки в Галааде?»), Библия стоящих рыб («И будут стоять подле него рыбы», хотя пророк Иезекииль говорил о рыболовах), Библия Крестозадвижения и так далее. Азирафаэль раздобыл все до единой. Даже самую редкую, изданную в 1651 году лондонскими книгопродавцами Билтоном и Скэггсом.

Ее выход в свет был чудовищным провалом, но компаньонов ожидало еще два, не меньших.

В этом издании, широко известном как Провально-Посольная Библия, обширная опечатка, если ее можно так назвать, закралась в пятый стих 48-й главы книги пророка Иезекииля:

«2. И от пределов Дановых к востоку даже до моря, се удел Асиров.

3. И от пределов Асировых, от сущих к востоку, даже до моря, се удел Неффалимов.

4. От пределов же Неффалимовых от страны восточныя даже до страны моря, се удел Манасии.

5. Провались она к диаволу, сия каторга печатная! Мастер Билтон – тот еще жантильмен, а мастер Скэггс, се скряга закоснелый. Всяк, у кого ума хоть на грош, ныне под солнцем греется, а не торчит до ночи в богадельне драной, да поидет оно все на @ – *’АЕ@;!

6. От пределов же Ефремовых, иже на восток, даже до моря, се удел Рувимов»⁸.

Второй знаменитый издательский провал Билтона и Скэггса произошел в 1653 году. Благодаря редкостной удаче они раздобыли экземпляр знаменитых «Утраченных ин-кварти» – трех пьес Шекспира, которые не были изданы в формате ин-фолио и считались безвозвратно потерянными для ученых и театралов (до нас дошли только их названия). В руки к Билтону и Скэггсу каким-то образом попала самая ранняя из шекспировских пьес: «Комедия о Робин Гуде, или Шервудский лес»⁹.

⁸ Библия Провально-Посольная прославилась также тем, что в третьей главе Книги Бытия содержала двадцать семь стихов вместо обычных двадцати четырех. После двадцать четвертого стиха, который в обычной версии читается как «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращаемый, чтобы охранять путь к дереву жизни», можно было прочитать: «25. И спросил Господь Ангела, охраняющего врата восточные, говоря, Где пламенный меч, что Я дал тебе? 26. И отвечал Ангел: да только что тут был. Наверное, положил куда-то, вот склероз. 27. И Господь не вопрошал его боле». Очевидно, эти добавочные стихи вписали уже в верстку. В те времена печатники вывешивали корректурные оттиски на деревянных рамах на улицу – для вящего поучения народа и бесплатной корректуры заодно. А поскольку весь тираж в конце концов пошел в печку, никому не пришлось в голову связать появление лишних стихов с владельцем соседней книжной лавки, любезным мистером А. Зирафаэлем, который всегда охотно помогал с переводами и чей почерк все отлично знали.

⁹ Другие две пьесы назывались «Мышедавка» и «Юлий Цезарь – суперстар».

Господин Билтон заплатил за томик ин-квартио без малого шесть гиней, прикинув, что удвоит свои доходы, всего лишь переиздав его ин-фолио в твердом переплете.

А потом он потерял книгу.

Третий же знаменитый провал Билтона и Скэгтса остался загадкой даже для самих компаньонов. Казалось бы, пророческие книги раскупались, словно горячие пирожки. Только что вышел третий тираж английского перевода нострадамусовых «Центурий», и пять Нострадамусов (каждый из которых объявлял остальных самозванцами) разъезжали из города в город, раздавая автографы. Да и «Собрание пророчеств» матушки Шиптон тоже шло нарасхват...

Каждый из солидных лондонских издателей – всего их было восемь – имел в своем портфеле по крайней мере одну пророческую книгу. И хотя прорицания были по большей части просто высосаны из пальца, атмосфера туманного, неопределенного всеведения обеспечивала им невероятную популярность. Они продавались тысячами, десятками тысяч.

– **Истинно глаголю, все одно что деньги печатать!** – сказал издатель Билтон издателю Скэгтсу¹⁰. – **Народ от лабуды сей тащится не по-детски! Нам след незамедлительно выпустить в свет пророчества какой-нибудь старой ведьмы!**

Рукопись прислали им точно на следующее утро; у ее автора было безошибочное чувство времени.

Ни Билтон, ни Скэгтс не догадывались, что они издают единственную за всю историю человечества пророческую книгу, в которой содержатся исключительно точные предсказания касательно последующих трехсот сорока с лишним лет. А именно, подробный и достоверный рассказ о событиях, ведущих к Армагеддону. Все было описано до мельчайших деталей.

Издательство «Билтон и Скэгтс» опубликовало данный том в 1655 году, как раз к рождественской распродаже¹¹, и это оказалась первая книга в Англии, которой суждено было стать уцененной.

Никто ее не покупал.

Даже в крошечном ланкаширском магазинчике, где она стояла на полке под картонной вывеской «**Ланкаширские авторы**», не купили ни единого экземпляра.

Автора этой книги, некую Агнессу Псих, не удивило такое пренебрежение – впрочем, немногое могло бы ее удивить.

Во всяком случае, книгу она написала не для продажи, не за гонорар и даже не ради славы. Она написала ее исключительно ради бесплатного экземпляра, на который имеет право каждый автор.

Куда подевалось множество нераспроданных экземпляров книги, никто не знает. Но известно наверняка, что их нет ни в музеях, ни в частных собраниях. Даже Азирафаэлю не удалось разжиться экземпляром, хотя у него коленки дрожали при одной мысли, что эта книга может попасть в его тщательно ухоженные ручки.

На самом деле во всем мире остался лишь один-единственный экземпляр пророчеств Агнессы Псих.

Сейчас он лежал на книжной полке примерно в сорока милях от того места, где Кроули и Азирафаэль наслаждались обедом, и в книге этой, образно выражаясь, только что включился часовой механизм.

¹⁰ У Скэгтса были на сей счет собственные соображения. Воплотив их на практике, он провел последние годы жизни в Ньюгейтской тюрьме.

¹¹ Еще одно свидетельство издательского гения: в 1654 году пуританский парламент Оливера Кромвеля запретил празднование Рождества.

На часах было три пополудни. Антихрист прожил на Земле уже целых пятнадцать часов, последние три из которых некий ангел и некий демон провели, основательно накачиваясь спиртным.

Они сидели друг напротив друга в задней комнатке пыльного букинистического магазинчика Азирафаэля в Сохо.

В большинстве тамошних книжных магазинов есть задние комнаты, и большинство этих задних комнат полны редкими или хотя бы очень дорогими книгами. Но в книгах Азирафаэля не было иллюстраций – только старые коричневые переплеты и ломкие страницы. Изредка – только если его совсем уж загоняли в угол – он продавал одну из них.

А порой в магазинчик заходили деловые люди в черных костюмах, которые крайне вежливо интересовались, не желает ли хозяин продать магазин, чтобы лавка превратилась в типичное «розничное» заведение, более уместное в данном районе. Порой Азирафаэлю предлагали деньги – совали в руки объемистые пачки засаленных пятидесятифунтовых банкнот. Иногда во время таких переговоров другие типы в черных очках шастали по магазину, неодобрительно покачивали головами и ворчали под нос, как легко воспламеняется бумага и как трудно будет выбраться отсюда в случае пожара.

Азирафаэль кивал, улыбался и говорил, что подумает об этом. А потом они уходили. *И никогда не возвращались.*

Если ты ангел, это еще не означает, что ты идиот.

Стол между ними был уставлен бутылками.

– Дело в том, что, – сказал Кроули. – Дело в том, что. Именно в том. Что.

Он попытался сфокусировать взгляд на Азирафаэле.

– Дело в том, что, – повторил он, пытаясь сообразить, в чем же, собственно, это дело. –

А дело, – сказал он наконец, – в дельфинах. В них самых.

– Это такие рыбы, – припомнил Азирафаэль.

– Не-не-не-не-не, – потрясая пальцем, возразил Кроули. – Млекопитающие. Самые что ни на есть. Разница в том, что... – Блуждая в болоте своей памяти, Кроули силился вспомнить, в чем же отличие. – Разница в том, что они...

– Спариваются на суше? – предположил Азирафаэль.

Кроули наморщил лоб.

– Н-не думаю. Нет, точно нет. Что-то такое с молодыняком... Ладно, неважно. – Он взял себя в руки. – Все дело в том, что. Вот в чем дело. В их мозгах.

Он потянулся к бутылке.

– А что у них с мозгами? – спросил ангел.

– Большие мозги. В том-то и дело. Размерчик. Размер. Размер чертовски больших мозгов. А еще киты. Горы мозгов, уж ты мне поверь. Целое чертово море мозгов.

– Кракен, – сказал Азирафаэль, уныло глядя на дно бокала.

Кроули бросил на него долгий озадаченный взгляд, словно перед поездом его мысли на колею рухнуло бревно.

– А?

– Здоровенный шельмец, – ответил Азирафаэль. – Дрыхнет под толщей вод, в глубинах потаенных. Под ракушками там и этими... прилипами, полипсами... короче, водорослями. И вроде как подымется на поверхность перед самым концом, когда моря закипят.

– Да ну?

– Точно.

– Так вот и я о том же, – согласился Кроули, откидываясь назад. – Море кипит себе, бедняги дельфины варятся в океанскую уху, а всем наплевать. И с гориллами то же самое.

Они думают: ух ты, гляньте-ка, небо все красное, звезды сыплются, что это за траву нынче добавляют в бананы? И тут...

– Гориллы, они гнезда вяют, – заявил ангел, наливая себе очередную порцию. В стакан он умудрился попасть только с третьего раза.

– Ну да?

– Точно говорю. Я фильм смотрел. Гнезда.

– Это птицы, – сказал Кроули.

– Нет, гнезда, – упорствовал Азирафаэль.

Кроули решил с ним не спорить.

– Так вот, о чем бишь я, – продолжил он. – О всех созданиях, больших и шальных. Тьфу, то есть малых. Все они, от мала до велика, живут себе. И у многих даже есть мозги. И вдруг – ба-бах!

– Но ты же тоже к этому причастен, – напомнил Азирафаэль. – Искушаешь людей. Вполне успешно.

Кроули с тяжелым стуком опустил стакан на стол.

– Нет, это другое. Они же не обязаны поддаваться. Сам говорил, непостижимость, да? Ваша придумка, между прочим. Я понимаю, испытания людей, все такое. Но зачем же до уничтожения?

– Ну хорошо. Хорошо. Мне это нравится не больше, чем тебе, но я уже говорил. Я не могу непонино... непивовино... в общем, не делать, чего велено. Мне как... ангелу...

– На небесах нет театров, – заметил Кроули. – И фильмов немногим больше.

– Ты меня не искушай, – с несчастным видом сказал Азирафаэль. – Знаю я тебя, старый змий.

– Да ты сам подумай, – безжалостно продолжал Кроули. – Знаешь, что такое вечность? Знаешь, что такое вечность? В смысле, ты вообще осознаешь? Вот смотри: на краю Вселенной стоит огромная гора, в милю высотой, и раз в тысячу лет – птичка...

– Какая птичка? – подозрительно осведомился Азирафаэль.

– Та, про которую я тебе рассказываю. И вот каждую тысячу лет...

– Одна и та же птичка каждую тысячу лет?

– Ну да, – колебавшись, согласился Кроули.

– Чертовски старая птичка.

– Ладно. И каждую тысячу лет эта птичка летит...

– ...ковыляет...

– ...долетает до этой горы и точит свой клюв...

– Погоди. Не так все просто. Отсюда до края Вселенной, – ангел широко, хотя и слегка неуверенно взмахнул рукой, – до черта всякой фигни. Во как.

– Но она все равно туда долетает, – упорно гнул свою линию Кроули.

– Как?

– Неважно!

– Может, на звездолете, – предположил ангел.

Кроули слегка уступил.

– Возможно, – сказал он. – Если тебе уж так хочется. Так или иначе, эта птичка...

– Только это ведь край Вселенной, – перебил Азирафаэль. – Значит, звездолет такой, что до места долетят только твои потомки. И ты должен им сказать, значит, сказать должен: когда вы доберетесь до той горы, обязательно... – Он помедлил. – Обязательно – что?

– Поточи клюв о вершину, – сказал Кроули, – и вали обратно...

– ...На звездолете...

– Да, а через тысячу лет все заново, – быстро вставил Кроули.

Они посидели немного в хмельном молчании.

– Как-то многовато хлопот, чтобы поточить клюв, – пробормотал Азирафаэль.

– Послушай, – не сдавался Кроули, – дело в том, что птичка сточит эту гору до основания, но...

Азирафаэль открыл рот. Кроули мгновенно понял, что ангел собирается что-то сказать насчет относительной твердости птичьих клювов и гранитных гор, и поспешно закончил свою речь:

– ...*Но просмотр «Звуков музыки» еще не закончится.*

Азирафаэль застыл.

– И ты этот фильм полюбишь, – безжалостно упирал Кроули. – До глубины сердца.

– Но, милый мой...

– Выбора у тебя не будет.

– Но, послушай...

– На Небесах о хорошем вкусе и не слыхали.

– Но...

– И там нигде, вообще нигде не подают суши.

Ангел вдруг стал очень серьезным и болезненно поморщился.

– Я не могу разобраться с этим, пока пьян, – сказал он. – Мне нужно протрезветь.

– Мне тоже.

Оба они скривились, заставляя алкоголь покинуть их кровотоки, после чего сели уже ровнее. Азирафаэль поправил галстук.

– Не могу же я мешать осуществлению Божественного замысла, – прохрипел он.

Оценивающе глянув на свой стакан, Кроули наполнил его вновь.

– А как насчет дьявольского? – предложил он.

– Пардон?

– Ну, в данном случае замысел скорее дьявольский, не так ли? Мы над этим работаем.

Наши парни.

– Да, но это все равно – часть Божественного замысла, – возразил Азирафаэль. – Вы не в силах сделать ничего, что не входило бы в непостижимый Божественный замысел, – добавил он с некоторым самодовольством.

– Размечтался!

– Нет, так и есть. В этом самом. – Азирафаэль раздраженно прищелкнул пальцами. – Как ты там любишь выражаться? В счетном конце.

– В конечном счете.

– Вот в нем.

– Ну... Если ты так уверен... – сказал Кроули.

– Никаких сомнений.

Кроули лукаво глянул на него.

– Тогда ты не можешь знать наверняка – поправь меня, если я заблуждаюсь, – ты не можешь быть уверен, что противодействие дьявольским козням не является частью божественного замысла. Ну, тебе же положено расстраивать происки нечистой силы при каждом удобном случае?

Азирафаэль засомневался.

– Ну да, вроде...

– Как увидел козни, сразу препятствуешь. Верно?

– Ну, в широком смысле, в широком смысле. На самом деле я скорее побуждаю людей самим противостоять Злу. Непостижимость, сам понимаешь.

– Отлично. Отлично. Только и всего-то. Вот и препятствуй. Ведь насколько я понимаю, – с жаром продолжил Кроули, – рождение еще ничего не решает. Главное – воспитание. Влияние

извне. Иначе ребенок так и не научится использовать свои способности. – Он помедлил. – Во всяком случае, по назначению.

– Ну, если я буду тебе препятствовать, наши вряд ли станут возражать, – задумчиво промолвил Азирафаэль. – Скорее наоборот.

– Точно. Еще и перо тебе позолотят, – подхватил Кроули, ободряюще улыбаясь.

– А что будет с ребенком, если он не получит сатанинского воспитания? – спросил Азирафаэль.

– Да ничего особенного. Он же ничего не узнает.

– Но гены...

– Ой, только не говори мне о генах. При чем тут они? – сказал Кроули. – Возьми хоть Сатану. Создан ангелом, а вырос Главным Врагом. Уж если вспоминать о генетике, то можно с тем же успехом сказать, что этого малыша ждет ангельский чин. В конце концов, его отец когда-то был большой шишкой на Небесах. И думать, будто он вслед за папочкой станет демоном, все равно что ждать, когда у мыши с обрезанным хвостом родится бесхвостый мышонок. Чепуха. Все дело в воспитании. Уж ты поверь.

– И если на ребенка будут влиять не только Снизу, но и Сверху...

– В худшем случае Аду придется начать все сначала. А Земля получит еще по крайней мере одиннадцать лет. Ведь это чего-нибудь да стоит, а?

Азирафаэль вновь задумался.

– Так ты считаешь, что сам по себе ребенок не порочен? – медленно сказал он.

– Потенциально порочен. И так же потенциально склонен к добру. Огромный потенциал, которому можно придать любую форму, – Кроули пожал плечами. – С чего это мы принялись рассуждать о добре и зле? Это всего лишь названия команд. Мы-то с тобой понимаем.

– Что ж, думаю, стоит попробовать, – наконец согласился ангел. Кроули довольно кивнул.

– Уговор? – спросил он, протягивая руку.

Ангел осторожно пожал ее.

– С ним наверняка будет поинтереснее, чем со святыми, – сказал он.

– По большому счету, самому ребенку это на пользу, – уверил Кроули. – Мы станем кем-то вроде крестных отцов. Можно сказать, будем руководить его религиозным воспитанием.

Азирафаэль просиял.

– Знаешь, мне даже в голову такое не приходило, – обрадовался он. – *Крестные отцы*. По рукам, будь я проклят.

– Кстати, это не так уж и плохо, – заметил Кроули. – Вопрос привычки.

Ее называли Багряной. В то время она продавала оружие, хотя это занятие уже начало ей надоедать. Она никогда не занималась одним делом подолгу. Три-четыре сотни лет – самое большее. Дальше рутина заедала.

Волосы у нее были не каштановые и не коричневые, а настоящие рыжие, глубокого медного цвета, и ниспадали до талии великолепными сияющими локонами – ради таких волос мужчины готовы сражаться насмерть, что нередко и случалось. Глаза ее были удивительного апельсинового цвета. Она выглядела лет на двадцать пять – и выглядела так всегда.

Она ездила на пыльном кирпично-красном грузовике, битком набитом разнообразным оружием, и с невероятной ловкостью пересекала на нем любые границы мира. Сейчас она держала путь в одну из стран Западной Африки, где как раз началась небольшая заварушка, которая благодаря доставленному грузу имела шансы перерасти в серьезную гражданскую

войну. Но, к сожалению, грузовик сломался, и даже ее способностей не хватало для устранения поломки.

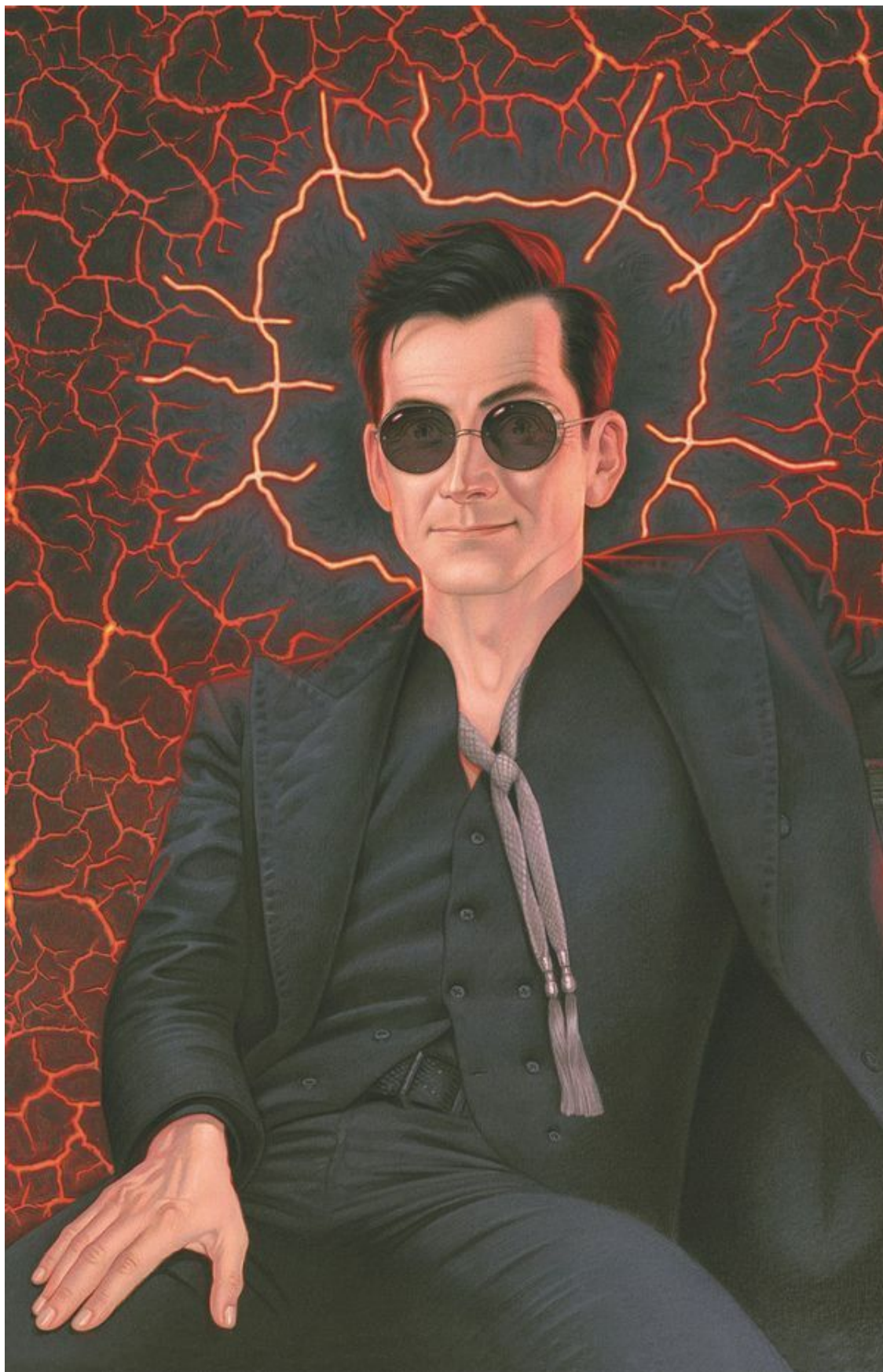
Хотя она отлично разбиралась в современной технике.

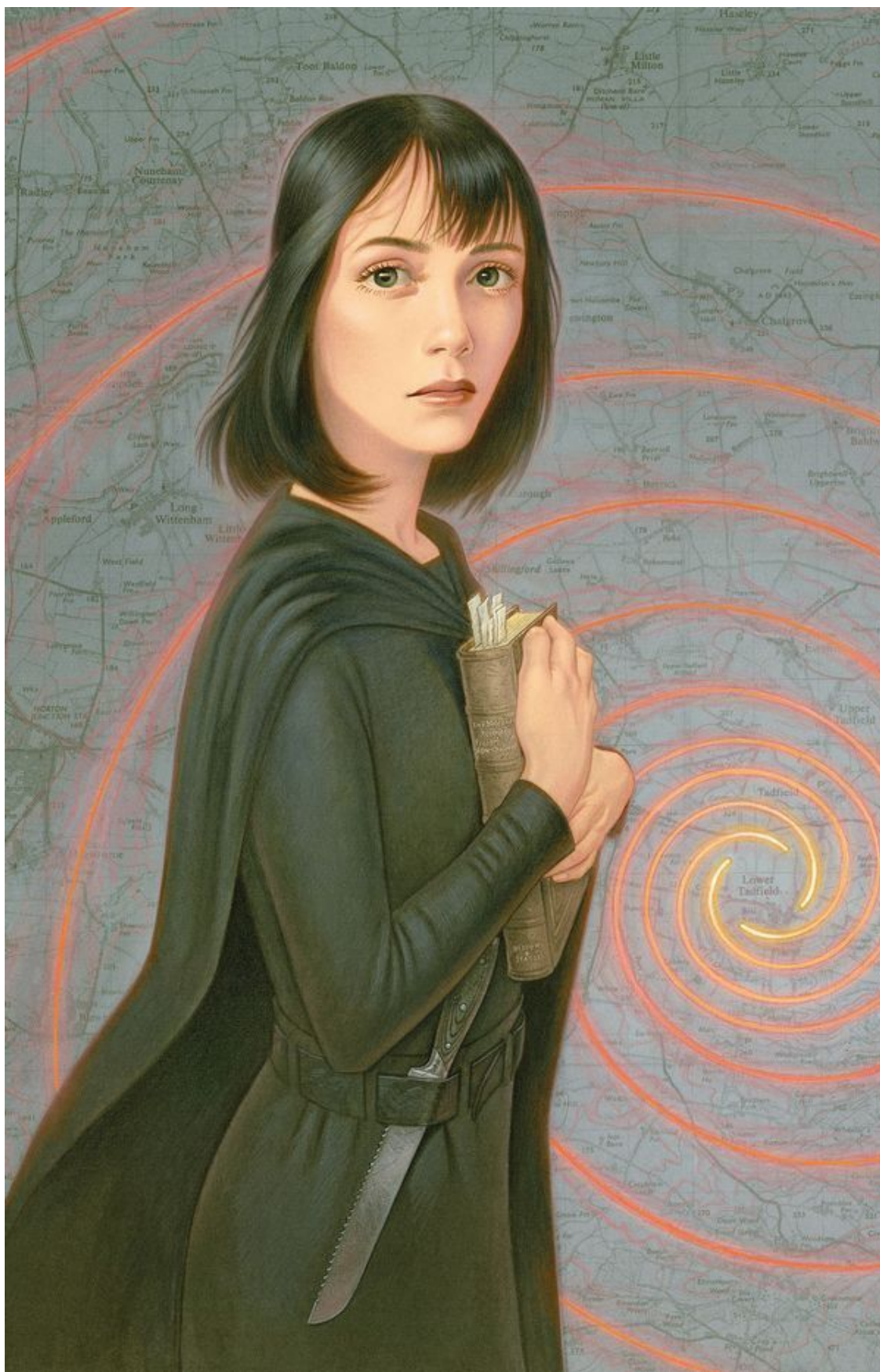
Поломка произошла в самом центре города¹². А именно в столице Камболаленда – страны, последние три тысячи лет жившей в мире. Почти три десятка лет она называлась Сэр-Хамфри-Кларксон-лендом, но поскольку полезными ископаемыми Камболаленд был небогат, а стратегически представлял не больше интереса, чем гроздь бананов, то и независимости добился до неприличия быстро. Жилось там, возможно, бедно и, несомненно, скучно, зато безмятежно. Племена вполне ладили друг с другом и давным-давно перековали мечи на орала. Правда, в 1952 году на городской площади пьяный волопас подрался с не менее пьяным волокродом. Судачить об этом не перестали и по сей день.

Багряна изнывала от жары. Она зевнула, оставила бесполезный грузовик на пыльной улице и, обмахиваясь широкополой шляпой, зашла в бар.

Купив банку пива, одним махом осушила ее и улыбнулась бармену.

¹² Формально – города. На самом деле это был населенный пункт размером со среднюю английскую деревню или, в американских единицах измерения, с небольшой торговый центр.

– Мне нужно починить свой грузовик, – сказала она. – С кем тут можно об этом потолковать?

Бармен ответил ей ослепительной, белозубой и почти безбрежной улыбкой. Его впечатлило то, как она обошлась с пивом.

– Только Натан, мисс. Но Натан поехал в Каоунду, проведать ферму тестя.

Багряна заказала еще пива.

– Значит, только Натан... И когда же он вернется?

– Может, на той неделе. А может, и через две, милая леди. Ха, этот Натан тот еще лодырь. – Бармен подался вперед. – А вы путешествуете одна, мисс? – спросил он.

– Да.

– Опасно. Нынче на дорогах всякий народец встречается. Нехороший. Не из местных, конечно, – быстро добавил он.

Багряна приподняла изящную бровь.

Несмотря на жару, бармен поежился.

– Благодарю за предупреждение, – промурлыкала Багряна. Подобное тихое урчание могло бы доноситься из высокой травы, где притаился, поджидая молодую и нежную добычу, некто, заметный лишь по подергиванию кончиков ушей.

Она небрежно коснулась своей шляпы и не спеша вышла на улицу.

Нещадно палило жаркое африканское солнце; грузовик Багряны, набитый огнестрельным оружием, боеприпасами и пехотными минами, неподвижно стоял посреди улицы.

Багряна задумчиво посмотрела на него.

На крыше восседал стервятник. Он путешествовал с Багряной уже три сотни миль. Птица тихонько рыгала.

Багряна окинула улицу взглядом. На углу болтали две женщины; усталый торговец, отмахиваясь от мух, сидел перед кучей разноцветных горлянок; стайка детей лениво играла в пыли.

– Какого черта, – негромко сказала она. – Иногда и отдохнуть не мешает.

Дело было в среду.

К пятнице город объявили закрытой зоной.

К следующему вторнику экономика Камболаленда была разрушена, погибло двадцать тысяч человек (включая бармена, которого пристрелили повстанцы во время штурма баррикад на рынке), около ста тысяч человек получили ранения, все привезенное Багряной оружие сполна выполнило свое предназначение, а стервятник издох от обжорства.

Багряна уезжала из страны на последнем поезде. Пора братья за что-то новое, думала она. Заниматься оружием ей уже чертовски надоело. Хотелось перемен. Чего-то более перспективного. Скажем, она неплохо смотрелась бы в роли журналистки, спецкора какой-нибудь газеты. Чем не вариант? Обмахиваясь шляпой, она сидела, скрестив длинные ноги.

В конце вагона начиналась потасовка. Багряна усмехнулась. Люди постоянно дрались из-за нее или вокруг нее. Как это мило, право же.

Мистер Соболев – черноволосый мужчина с аккуратно подстриженной бородкой – только что решил организовать корпорацию.

Он выпивал со своей бухгалтершей.

– Ну, как наши успехи, Фрэнни? – спросил он.

– Продано уже двенадцать миллионов экземпляров. Представляешь?

Они сидели в ресторане под названием «Три шестерки» на верхнем этаже дома номер 666 по Пятой авеню. Это слегка забавляло Соболева. Из окон ресторана открывался вид на весь Нью-Йорк, а по ночам весь Нью-Йорк видел огромные красные цифры 666, украшавшие все

четыре стороны здания. Конечно, это был всего лишь номер дома. Начни считать – и рано или поздно дойдешь до этого числа. Но все равно забавно.

Соболь и его бухгалтер только что вышли из маленького дорогого и ужасно престижного ресторана в Гринвич-виллидж, где подавали исключительно новомодные французские блюда с пониженной калорийностью – скажем, стручок фасоли, горошинку и пару волокон куриной грудки, красиво разложенные на квадратной фарфоровой тарелке.

Соболь изобрел эту моду, когда последний раз был в Париже.

Его спутница расправилась со своим мясом и двойной порцией овощей меньше чем за пятьдесят секунд и остальное время трапезы уныло разглядывала опустевшую тарелку, столовые приборы, а порой и сидевших за соседними столиками едоков, причем, судя по лицу, ей хотелось попробовать их на вкус – как оно, собственно говоря, и было. И это также чрезвычайно забавляло Соболя.

Он повертел в руках бокал с «Перье».

– Уже двенадцать миллионов, значит. Что ж, довольно прилично.

– Просто здорово.

– Итак, корпорация. Пора всерьез браться за дело. Начнем с Калифорнии, я полагаю. Мне нужны фабрики, рестораны и все такое прочее. Издательские игры тоже продолжим, но настало время поставить все на широкую ногу. Согласна?

Фрэнни кивнула.

– Звучит неплохо. Нам нужно...

Ее прервал скелет. Скелет в платье от Диора, с загорелой кожей, туго обтягивающей череп. У скелета были белокурые волосы и ярко накрашенные губы; заведя его, любая мать шепотом заметила бы своему чаду: «Посмотри, во что ты превратишься, если не будешь есть овощи». В общем, эта особа выглядела как гламурный плакат «Помогите голодающим».

Иными словами, это была нью-йоркская топ-модель, и в руках она держала книгу.

– О, простите, мистер Соболь, надеюсь, вы меня извините, – пролепетала она. – Но понимаете, ваша книга, она изменила мою жизнь, и я подумала, может, вы не откажетесь подписать ее для меня...

Она взирала на него глубоко запавшими и мастерски оттененными глазами.

Соболь благосклонно кивнул и взял у нее книгу.

Неудивительно, что она узнала его: темно-серые глаза Соболя глядели с фотографии на тисненой обложке. Книга называлась «Диета без еды: худейте красиво» с подзаголовком «Диетическая Библия века!».

– Как пишется ваше имя? – спросил он.

– Шеррил. Два «р», одно «л».

– Вы напомнили мне об одном моем старом и добром друге, – сказал он, быстро и аккуратно надписывая титульную страницу. – Ну вот и все. Рад, что вам понравилось. Всегда приятно встретить поклонницу.

А написал он следующее:

*Шеррил,
Хиникс пиеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; елея же
и вина не повреждай.
Откр. 6:6.
Доктор Вран Соболь*

– Это из Библии, – пояснил он.

Она благоговейно закрыла книгу и, отступая от стола, продолжала благодарить Соболя: он не представляет, как много это значит для нее, как он изменил ее жизнь и какой он поистине...

На самом деле он, хоть и называл себя доктором, вовсе не имел медицинского образования, поскольку во дни его юности еще не было ни колледжей, ни университетов. Впрочем, никакой степени и не требовалось, чтобы увидеть: Шеррил умирает от истощения. Он дал ей самое большее пару месяцев. Голодание. Радикальное решение проблемы веса.

Фрэнни алчно терзала свой ноутбук, планируя очередной задуманный Сободем этап трансформации пищевых традиций западного мира. Соболев сам подарил ей эту машинку. Вещица была очень дорогой, очень мощной и ультратонкой. Он питал слабость к тонким вещам.

– Для начала мы приобретем одну европейскую фирму – холдинг «Холдингз инкорпорейтед». В результате получим налоговую базу в Лихтенштейне. Тогда, если мы переправим капиталы с Кайманов в Люксембург, а оттуда в Швейцарию, то сможем заплатить за фабрики В...

Но Соболев уже не слушал. Он вспоминал престижный ресторанчик. Никогда еще он не видел так много богатых людей такими голодными.

Соболев улыбнулся искренней, широкой улыбкой, порожденной чистым и полным удовлетворением от проделанной работы. Да, он попросту убивал время до прихода главных событий, но весьма изощренными способами. Время, а иногда и людей.

Его называли по-разному: Уайтом или Пэйлом, Альбусом или Бланком, Беловым или Вайссом и множеством подобных имен. У него была светлая кожа, пепельные волосы и бледно-серые глаза. На первый взгляд ему можно было дать чуть за двадцать, а больше чем одним небрежным взглядом его никто и не устаивал.

Он был на редкость неприметен.

В отличие от двух своих коллег, он никогда не задерживался подолгу на одном месте.

Он делал самую разную интересную работу во множестве компаний и стран.

(Он потрудился на Чернобыльской АЭС, в Уиндскейле и на Трехмильном острове, хотя нигде не занимал заметной и ответственной должности.)

Порой он числился среди младших, но ценных сотрудников многих научно-исследовательских организаций.

(Не без его участия были изобретены бензиновый двигатель, пластмасса и жестяная банка с кольцом на крышке.)

Он был мастером на все руки.

Но никто не замечал его. Он был сама скромность; его присутствие сказывалось лишь впоследствии, причем по нарастающей. Если бы вы постарались припомнить, то согласились бы, что где-то там он был и чем-то таким занимался. Возможно, даже беседовал с вами. Но вы сразу же забыли о нем, об этом мистере Уайте.

На сей раз он устроился палубным матросом на нефтяной танкер, идущий в Токио.

Пьяный капитан закрылся в своей каюте. Первый помощник капитана торчал на носу. Второй помощник – на камбузе. Вот, собственно, и весь экипаж: корабль был практически полностью автоматизирован. Человеку там и работы-то почти не оставалось.

Однако если человек, по чистой случайности, нажмет на кнопку «АВАРИЙНЫЙ СБРОС ГРУЗА», автоматические системы обеспечат выброс в море огромного количества черной маслянистой жидкости – миллионов тонн сырой нефти, что самым плачевным образом отразится на обитающих поблизости птицах, рыбах, растениях, животных и людях. Разумеется, было множество блокировок и защит от случайного нажатия кнопки, но когда и кому это мешало?

Последовало долгое разбирательство. Виновника аварии искали, но не нашли, а потому ответственность поделили на весь экипаж. Капитана и его помощников навсегда отстранили от работы.

И никто почему-то не вспомнил о матросе Уайте, который к тому времени был уже на полпути в Индонезию: ему случайно подвернулся пароход, под завязку груженный ржавыми металлическими бочками с исключительно токсичными гербицидами.

И был Еще Один. Он был на площадях Камбоаленда. И в ресторанах. Он был в рыбе, и в воздухе, и в бочках с гербицидами. Он появлялся на улицах и в домах, во дворцах и в лачугах.

Он входил в любую дверь как к себе домой, и никто не мог от него укрыться. Он делал все, что мог, и был тем, что делал.

Он не ждал. Он работал.

Гарриет Даулинг вернулась домой со своим малышом, которого, по совету сестры Веры Нудд (оказавшейся куда более убедительной в своих речах, чем сестра Мэри) и с телефонного согласия мужа, назвала Магом.

Атташе по культуре приехал домой через неделю и заявил, что младенец, судя по всему, пошел в его родню. Также он поручил своему секретарю разместить на страницах «Леди» объявление о поиске няни.

Как-то раз под Рождество Кроули посмотрел фильм о Мэри Поппинс (демон приложил руку к созданию множества телевизионных передач, но предметом его особой гордости было изобретение игровых шоу). Ему показалась забавной мысль о том, что ураган – это весьма эффективный и очень стильный способ избавиться от очереди из нянь, которые должны столпиться или даже занять круговую оборону возле резиденции атташе по культурным связям в Риджент-парке.

Но он заставил себя ограничиться несанкционированной забастовкой в метро, так что в назначенный день у резиденции появилась лишь одна няня.

На ней был трикотажный твидовый костюм и скромные жемчужные серьги. Что-то в ней говорило, что это *и правда няня*, но говорило тоном британского дворецкого из американского фильма. Вдобавок это что-то, тихонько покашливая, бормотало, что она вполне может относиться к той разновидности нянь, которые дают в известных журналах объявления о неких таинственных, но вполне очевидных услугах.

Ее туфли без каблуков хрустели по гравию дорожки, а рядом с ней неслышно трусил серый пес, из пасти которого падали капли белой слюны. Его глаза посверкивали красными огоньками, и он с голодным видом поглядывал по сторонам.

Подойдя к массивной деревянной двери, будущая няня самодовольно улыбнулась и позвонила в колокольчик. Послышался тоскливый перезвон.

Дверь открыл дворецкий, как говорится, старой школы¹³.

¹³ Имеется в виду вечерняя школа рядом с Тоттенхем-Корт-роуд, которую открыл престарелый актер, игравший с 1920-х годов дворецких и джентльменов в услужении у джентльменов в фильмах, театре и на телевидении.

– Меня зовут нянюшка Аштарот, – сказала она. – А это, – продолжала нянюшка, пока серый пес пожирал дворецкого взглядом, размышляя, возможно, о том, где половчее спрятать кости, – мой Пират.

Оставив собаку в саду, она победоносно прошла собеседование, после чего миссис Даулинг отвела няню к новому питомцу.

Ее губы сложились в неприятную улыбочку.

– Какое очаровательное дитя, – сказала она. – Скоро ему понадобится трехколесный велосипедик.

По странному совпадению персонал особняка в тот же день увеличился еще на одного человека. Им стал садовник, оказавшийся замечательным мастером своего дела. Никто не мог понять, как у него что-то растет, ведь он, казалось, даже к лопате не притрагивался и не прилагал никаких усилий, чтобы избавить сад от птичьих стай, которые внезапно повадились собираться здесь, при первой же возможности усаживаясь садовнику на плечи. Он посиживал в теничке, а вверенные ему растения обильно цвели.

Едва научившись держаться на ногах, Маг привык навещать садовника, когда няня брала выходной и отправлялась по своим делам.

– Смотри, вот братец Слизняк, – говорил ему садовник. – А эта крошечная тварь – сестрица Гусеница. Запомни, Маг: когда ты пошагаешь по этому миру, по его столбовым дорогам и пустынным тропкам, встречай каждое живое существо с любовью и уважением.

– Няня говолит, эти твали плосто плах у меня под ногами, мистел Фланциск, – отвечал Маг, осторожно касаясь братца Слизняка и тщательно вытирая руку о свой комбинезончик с изображением лягушонка Кермита.

– А ты не слушай эту женщину, – говорил ему Франциск. – Ты меня слушай.

По вечерам нянюшка Аштарот пела Магу колыбельные песенки:

*О, славный старый герцог Йорк!
Сто тысяч воинов повиновались ему,
И возглавил он путь к Вершине Холма
И все народы подлунного мира покори́л и привел их
Во владения господина нашего, Сатаны.*

А также:

*Вот поросенок, который отправился в ад,
Вот поросенок, который дама остался,
Вот поросенок, что парной человечинки вкусил,
Вот поросенок, который насиловал девственниц,
А вот поросенок, который взобраться сумел
На высокую гору из мертвых тел.*

– А блат Фланциск, наш садовник, говолит, что я должен самоотвелзенно стлемися к добродетели и любить все живые твали, – говорил Маг.

– А ты не слушай этого садовника, мой милый, – приговаривала няня, укладывая мальчика в кроватку. – Слушай лучше меня.

Так они и жили.

Соглашение действовало прекрасно. Игра шла со счетом ноль-ноль. Нянюшка Аштарот купила ребенку трехколесный велосипед, но никак не могла убедить его покататься на новой игрушке в доме. А Пирата Маг попросту боялся.

Тем временем Кроули и Азирафаэль тайно встречались на крышах автобусов, в картинных галереях и на концертах, дабы обменяться впечатлениями и улыбками.

Когда Магу исполнилось шесть лет, няня ушла, забрав с собой Пирата; в тот же день уволился и садовник. Оба они покидали дом в легкой растерянности.

Образование Мага стали заниматься два новых наставника.

Мистер Гаррисон рассказывал ему о царе гуннов Аттиле, о Владе Дракуле и Темной Сути Человеческой Души¹⁴. Он пытался обучить Мага искусству демагогии, репетируя с ним политические речи, способные покорить сердца и умы миллионов.

Мистер Кортезе рассказывал ему о Флоренс Найтингейл¹⁵, Аврааме Линкольне и приобщал к искусству. Он говорил о свободе воли, самопожертвовании, а также о том, что С Людми Следует Поступать Так, Как Ты Хотел Бы, Чтобы Они Поступали С Тобой.

И оба постоянно читали мальчику Откровения Иоанна Богослова.

Несмотря на все их старания, Маг проявлял прискорбно хорошие способности к математике. Оба гувернера не слишком радовались его успехам.

Когда Магу исполнилось десять лет, он увлекся бейсболом; ему нравились пластиковые игрушки, которые превращались в другие пластиковые игрушки, хотя разницу между теми и другими мог заметить лишь натренированный глаз; он тщательно собирал марки, обожал жевательную резинку со вкусом банана, любил комиксы, мультфильмы и свой гоночный велосипед.

Кроули забеспокоился.

Они встретились в кафетерии Британского музея – еще одном укромном приюте усталых пехотинцев холодной войны. Слева от них за столиком сидела парочка американцев в строгих костюмах и с военной выправкой – они незаметно передавали портфель, набитый сомнительными долларами, маленькой чернокожей женщине в темных очках; за столиком справа замначальника М17 и офицер местного подразделения КГБ спорили о том, кому из них платить за чай со сдобными булочками.

Наконец Кроули высказал то, о чем не позволял себе задумываться все эти десять лет.

– Если тебя интересует мое мнение, – сказал Кроули, – он чертовски нормальный ребенок.

Азирафаэль положил в рот очередной кусочек яйца в соусе «Адское пламя» и запил его глотком кофе. Потом промокнул губы бумажной салфеткой.

– А все мое благотворное влияние, – сказал он, сияя. – Или, вернее сказать, моей маленькой команды. Что есть, того не отнять.

Кроули отрицательно мотнул головой.

– Это я учел. Послушай, в этом возрасте он уже должен пытаться менять мир вокруг по своему желанию и подобию, ну и все такое прочее. И не пытаться даже. Он должен делать это, сам того не осознавая. Ты что-то похожее замечал?

– В общем, нет, но...

– Он уже должен стать средоточием чистой силы. И где она?

– Ну, пока я не замечал, однако...

– Он слишком нормален. – Кроули побарабанил пальцами по столу. – Не нравится мне это. Что-то не так, но я никак не возьму в толк, что именно.

Азирафаэль позаимствовал с тарелки Кроули кусочек торта «Пища богов».

– Что ж, он еще только растет. И небесное влияние, конечно, сказывается на его характере.

Кроули вздохнул.

¹⁴ * Всячески избегая упоминаний о том, что Аттила слушался свою матушку, а Влад Дракула неустанно молился каждый божий день.

¹⁵ Опуская связанные с сифилисом подробности.

– Надеюсь, он справится с цербером.

Азирафаэль приподнял одну бровь.

– С цербером?

– Подарочек к одиннадцатому дню рождения. Вчера вечером сообщили из Ада.

Сообщение пришлось прямо на середину «Чирс», одного из любимых телесериалов Кроули. То, что можно было изложить за одну минуту, заняло целых десять, и, когда inferнальная передача снова сменилась земной, Кроули уже потерял нить сюжета.

– Они посылают цербера, чтобы тот везде сопровождал и охранял мальчика. самого здорового выбрали.

– Неужели никто не заметит, что откуда-то вдруг взялась здоровенная черная собака? Его родители, к примеру.

Кроули резко встал, отдавив ногу болгарскому атташе по культуре, который оживленно беседовал с хранителем антикварной коллекции ее величества.

– Никто ничего не заметит. Это же реальность, мой ангел. А юный Маг, догадывается он об этом или нет, может делать с ней все, что пожелает.

– И когда же появится эта собака? Как ее зовут?

– Я же сказал: в его одиннадцатый день рождения. В три часа пополудни. Она учует его присутствие и придет к нему. И он сам должен придумать ей кличку. Это очень важно. Имя определит ее сущность. Киллер, Террор, Кошмар – там увидим.

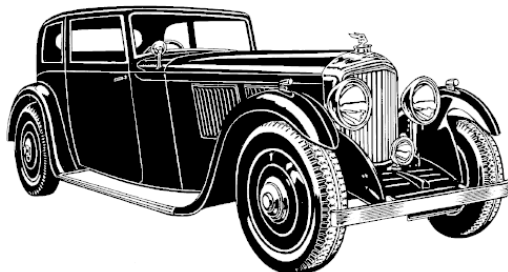
– Ты будешь при этом присутствовать? – небрежно спросил ангел.

– Во что бы то ни стало, – сказал Кроули. – Я все-таки надеюсь, что дела у парня обстоят не так уж плохо. Увидим, кстати, как он отреагирует на эту псину. Глядишь, кое-что и прояснится. Надеюсь, он отправит ее восвояси или хотя бы испугается. Если же он даст ей имя, мы проиграли. Он обретет все свои силы – и добро пожаловать, Армагеддон!

– Что ж... – откликнулся Азирафаэль, потягивая вино (которое только что перестало быть кисловатым «Божоле» и стало вполне приемлемым, но весьма удивленным «Шато Лафит» урожая 1875 года). – Полагаю, там мы и увидимся.

Среда

В центре Лондона царила дымная августовская жара.

День рождения Мага стал настоящим событием.

В гости пришли двадцать мальчиков и семнадцать девочек. Среди детей сновали блондины с одинаковыми короткими стрижками, в стандартных темно-синих костюмах и с плечевыми кобурами. Целая команда поставщиков привезла конфеты, торты и чипсы. Процессию фургонов возглавлял антикварный «Бентли».

«Удивительных Харви и Ванду» («Детские праздники – наша специальность!») неожиданно постигло желудочное расстройство, но, по счастливому и поистине удивительному стечению обстоятельств, им сразу же нашлась замена: на выручку охотно пришел некий фокусник.

У каждого есть маленькое хобби. Невзирая на решительные возражения Кроули, Азирафаэль твердо вознамерился приспособить к доброму делу свое.

Азирафаэль ужасно гордился своим мастерством фокусника. В 1870-х годах он брал уроки у самого Джона Маскелайна – почти целый год практиковался в ловкости рук, пряча монеты в ладонях и извлекая кроликов из цилиндров. Как ему казалось, он вполне преуспел в этом искусстве. Вся беда в том, что, хотя способности Азирафаэля позволяли ему проделывать трюки, при виде которых самым знаменитым иллюзионистам осталось бы лишь сдать свои волшебные палочки в утиль, он никогда не применял то, что называл своими *врожденными дарованиями*. Это и было его слабым местом. Он даже потихоньку начинал жалеть, что забросил тренировки.

Однако, рассудил он, это ведь почти то же, что кататься на велосипеде. Раз научившись, никогда не разучишься. Его чародейский фрак успел слегка запылиться, но, облачившись в него, Азирафаэль почувствовал себя вполне уверенно. Ему даже начала вспоминаться привычная скороговорка фокусников.

Дети следили за ним с пренебрежительным недоумением. Кроули в белом фраке официанта поживался от сочувственной неловкости за буфетной стойкой.

– Итак, юные господа и дамы, видите ли вы мой потрепанный старый цилиндр? Вы, молодежь, наверняка скажете: какая ужасная старая шляпа! И смотрите, она совершенно пуста! Но... вот так чудо! Что это за подозрительный субъект? О, да это же наш пушистый приятель, Братец Кролик!

– Он был у тебя в кармане, – заметил Маг. Остальные дети согласно закивали. Кем он их считает? Безмозглыми малышами?

Азирафаэль припомнил, что Маскелайн советовал делать, если публика настроена скептически: «Превратите все в шутку, вы, олухи царя небесного... Да, да, это я вам говорю, мистер Упалло. – Так тогда звали Азирафаэля. – Заставьте их смеяться, и вам все простят!»

– Ха-ха-ха, значит, я *сел в иляпу*, – с деланным смешком произнес он.

Дети безучастно таращились на него.

– Фигня какая-то, – констатировал Маг. – Лучше бы мы мультики посмотрели.

– Правильно! – закричала девочка с конским хвостом. – Полная фигня. Он еще и педик, наверное.

Азирафаэль в панике взглянул на Кроули. Ему уже было очевидно, что юный Маг порочен до глубины души и чем скорее появится Черный Пес, тем быстрее они смогут убраться из этого дома.

– А ну-ка, скажите, есть ли у кого-нибудь при себе, дети, трехпенсовая монета? У вас нет, юный джентльмен? Тогда что же это за вашим ухом?..

– А вот у меня на дне рождения показывали мультики, – заявила девочка. – И еще мне подарили трансформера, а еще моего маленького пони, а еще истребителей-десептиконов, а еще танк, а еще...

Кроули застонал. Любому ангелу, если у него есть хоть капля здравого смысла, следует держаться подальше от детских праздников. Циничные дети пронзительно заулюлюкали от восторга, увидев, как Азирафаэль уронил цепочку из трех металлических колец.

Кроули отвернулся, и его взгляд упал на стол, заваленный подарками. Из недр большой пластмассовой конструкции на него внимательно смотрели два блестящих глаза-бусинки.

Кроули вгляделся в них, пытаясь обнаружить отблески алого пламени. С адскими бюрократами ни в чем нельзя быть уверенным. Они запросто могут прислать вместо собаки хомячка какого-нибудь.

Это и был хомяк, самый обыкновенный грызун, посреди удивительного сооружения из цилиндров, сфер и бегущих дорожек – такое могла бы изобрести испанская инквизиция, будь в ее распоряжении штамповочный пресс и пластмасса.

Кроули сверился с часами. Ему ни разу не приходило в голову поменять батарейки, разрядившиеся уже три года назад, но часы неизменно показывали точное время. До трех оставалось две минуты.

Азирафаэль суетился пуще прежнего.

– Есть ли в вашей компании обладатель такой полезной вещи, как носовой платок? *Неужели нет?*

В викторианские дни никому бы и в голову не пришло, что у зрителей может не оказаться при себе платков, а без этого маленького клочка ткани очередной фокус (чудесное появление голубя, раздраженно клевавшего запястье Азирафаэля) был совершенно невозможен. Ангел попытался привлечь внимание Кроули, потерпел неудачу и в отчаянии указал на одного из охранников, который сразу встревожился.

– Прошу вас, любезный. Подойдите-ка сюда! Итак, если вы заглянете в свой нагрудный карман, то, как мне кажется, обнаружите там изящный шелковый носовой платок.

– Никакнетсэр. Боюсьчтонетсэр, – скороговоркой произнес охранник, глядя прямо перед собой.

Азирафаэль отчаянно подмигнул ему.

– Да посмотрите же, милый мой, посмотрите, прошу вас!

Охранник сунул руку во внутренний карман пиджака и с удивлением вытащил оттуда обшитый кружевами шелковый носовой платок цвета морской волны. Почти мгновенно Азирафаэль понял, что кружева были лишними, поскольку они зацепились за пистолет, который, совершив перелет по комнате, приземлился в вазу с конфитюром.

Дети восторженно захлопали.

– Эй, а это уже неплохо! – воскликнула девочка с конским хвостом.

Маг, пробежав по комнате, выудил пистолет из вазы.

– Руки вверх, ищейки! – радостно закричал он.

Охранники растерялись.

Одни полезли за своими пистолетами, другие кинулись к мальчику, третьи – наоборот, подальше от него. Остальные дети завизжали, что тоже хотят пистолеты, а самые решительные попытались отнять оружие у охранников, которые имели неосторожность вытащить пушки.

Потом кто-то швырнул в Мага конфитюром.

Мальчик взвизгнул и спустил курок. В руках у него был «магнум» 32-го калибра, штатное оружие ЦРУ, серое, грозное и увесистое, способное с тридцати шагов разнести человека в клочья, оставив за собой лишь облако кровавого тумана, ужасный хаос и некоторое количество канцелярской работы.

Азирафаэль моргнул.

Тонкая струйка воды вырвалась из дула пистолета и обрызгала спину Кроули, который поглядывал в окно, высматривая огромную черную собаку.

Азирафаэль смутился.

Потом ему залепили в лицо куском кремового торта.

Было уже почти пять минут четвертого.

Легким движением руки Азирафаэль превратил все оружие в водяные пистолеты и вышел.

Стоя на дорожке, он пытался извлечь из рукава чародейского фрака полузадушенного голубя; за этим занятием его и застал Кроули.

– Уже поздно, – сказал Азирафаэль.

– Я заметил, – кивнул Кроули. – Не надо было запихивать его в рукав.

Наконец он вытащил вялую птичью тушку из фрака Азирафаэля и вновь вдохнул в нее жизнь. Признательно курлыкнув, слегка пришибленный голубь полетел прочь.

– Я не о птице, – сказал ангел. – Собака. Опаздывает.

Кроули с сомнением покачал головой.

– Сейчас посмотрим.

Он открыл дверцу машины и включил приемник.

– *Это просто счастье, счастье-счастье-счастье, это просто счастье в лю...* ПРИВЕТ, КРОУЛИ.

– Привет. Гм, кто это?

ДАГОН, ПОВЕЛИТЕЛЬ МУК, ВЛАДЫКА БЕЗУМИЯ, ПОДКНЯЖИЙ СЕДЬМОГО МУЧИТЕЛЬСТВА. ЧЕМ МОГУ ПОМОЧЬ?

– Цербер. Я лишь хотел, э-э, убедиться, что он отправлен вовремя.

ЕГО ВЫПУСТИЛИ ДЕСЯТЬ МИНУТ НАЗАД. А ЧТО? ЕЩЕ НЕ ОБЪЯВИЛСЯ? ЧТО-ТО НЕ ТАК?

– Да нет. Все по плану. Все прекрасно. Ага, а вот и он. Отличная собака. Хороший песик. Ужас что такое. Вы там внизу отлично поработали, ребята. Ладно, приятно было поболтать с тобой, Дагон. До связи.

Он выключил приемник.

Они переглянулись. Из дома донесся громкий выстрел, и оконное стекло разбилось вдребезги.

– Вот те на, – пробормотал Азирафаэль, воздерживаясь от ругательства с легкостью, рожденной многовековой практикой (он не сквернословил уже шесть тысяч лет и не собирался изменять этой привычке даже теперь). – Похоже, один я все-таки проворонил.

– Собаки нет, – сказал Кроули.

– Собаки нет, – сказал Азирафаэль.

Демон вздохнул.

– Залезай в машину, – сказал он. – Нам нужно потолковать об этом. Только, пожалуйста, Азирафаэль...

– Да?

– Почисти свой чертов фрак от этого чертова торта.

А за пределами Лондона в этот августовский день было жарко и тихо. Сорняки на обочине дороги, ведущей в Тадфилд, клонились под тяжестью пыли. В зеленой изгороди жужжали пчелы. Воздух казался перестоявшим и перегретым, как вчерашний суп.

Вдруг словно бы тысяча металлических голосов хором выкрикнули отрывистое «Хайль!» и сразу же умолкли.

И на дороге появилась черная собака.

Это определено была собака. По крайней мере, форма у нее была соответствующая.

Есть такие собаки, встреча с которыми заставляет вспомнить, что, несмотря на тысячи лет искусственного отбора, любую собаку отделяют от волка всего лишь две кормежки. Эти твари приближаются к вам медленно и целенаправленно – воплощенный зов предков, с желтыми зубами и зловонным дыханием, – и пусть их владельцы сколько угодно уверяют вас: «Да это же старая развалина, просто отпихни его, если будет надоедать», в глубине зеленых глаз мерцают костры плейстоцена...

Однако, завидев пса, возникшего сейчас на дороге, даже такие собаки поспешили бы убраться под диван, словно их страшно увлекла резиновая кость.

Пес уже рычал. Это было тихое клокочущее рычание напряженной угрозы, какое обычно зарождается глубоко в глотке одного существа, а заканчивается на горле другого.

Капающая из пасти слюна вскипала на асфальте.

Пес сделал несколько шагов вперед и понюхал неподвижный воздух.

Его уши встали торчком.

Вдали слышались голоса. Среди них выделялся один. Мальчишеский голос, тот самый, которому пес был рожден подчиняться, повиноваться беспрекословно. Если этот голос скажет «рядом», он будет идти рядом; если скажет «убей», он убьет. Голос его Хозяина.

Пес перемахнул кусты и побежал через поле. Бык, который там пасся, мельком глянул на него, оценил свои шансы и поспешил убраться к дальней изгороди.

Голоса доносились из чахлой рощицы неподалеку. Капая слюной, черный пес подкрался поближе.

Другой голос сказал:

– А вот и нет. Ты вечно говоришь, что он подарит, а он так ничего и не дарит. Попробуй уговори своего папочку купить тебе кого-нибудь. Кого-нибудь интересного. Так он выберет насекомое какое-нибудь, типа палочника. Интереснее быть ничего не может.

Цербер изобразил собачий эквивалент пожимания плечами, но мгновенно утратил интерес к сказанному, поскольку раздался голос Хозяина, Центра Вселенной.

– Мне подарят собаку, – сказал голос.

– Ха-ха. А тебе откуда знать? Никто не говорил, что тебе подарят собаку. Как же ты узнал про собаку, если никто этого не говорил? Твой папочка вечно будет стонать о том, как много она жрет.

– Он будет есть бирючину, – вступил третий голос, куда более строгий. Это явно был мальчик из тех, кто перед тем, как собрать модель из пластмассового конструктора, не только аккуратно раскладывает и пересчитывает все детали, но также раскрашивает все, что требуется раскрасить, и, согласно инструкции, оставляет на просушку. Если ребенок говорит таким голосом, значит, впереди его ждет работа бухгалтера высшей категории, дайте только срок.

– Они не едят бирючину, Уэнсли. Где это видано, чтобы собака ела бирючину!

– Я имел в виду, что ее едят палочники. Они ведь и правда ужасно интересные. Во время спаривания они откусывают друг другу головы.

Последовало задумчивое молчание. Цербер подкрался поближе и понял, что голоса доносятся из какой-то ямы.

Как оказалось, деревья скрывали старый меловой карьер, почти заросший терновником и плющом. Старый, но явно пользующийся популярностью. Вдоль и поперек его пересекало множество тропок; гладкие участки склонов свидетельствовали о регулярных визитах здешних скейтбордистов, а для велосипедистов меловые скаты явно были Стенами Смерти или хотя бы Сильно Ободранных Коленок. С деревьев, подходящих для лазания, свисали концы опасно размочаленных веревок. Тут и там из кустов торчали куски рифленого железа или обломки подгнивших досок. Заросли крапивы наполовину скрывали ржавый, обгорелый кузов старого «Триумф Геральда».

В дальнем конце карьера виднелась груда металлических колесиков и гнутой проволоки – знаменитое Затерянное кладбище, куда приезжают умирать тележки из универсама.

Для детей здесь был настоящий рай. Местные взрослые называли его Ямой.

Сквозь крапиву пес увидел четыре фигурки, сидевшие посреди котлована на том, на чем и полагается сидеть в приличном тайном убежище, – на обычных молочных ящиках.

– Врешь!

– Точно, откусывают.

– Спорим, что нет, – сказал первый из собеседников. Судя по тембру, этот голос принадлежал девочке, и сейчас в нем слышался жгучий интерес.

– Точно тебе говорю. Перед каникулами у меня было шесть штук палочников, и я забыл положить им свежую бирючину, а когда вернулся, там оставался всего один, но жутко толстый.

– Да ладно! Это не палочники, а богомолы. Я видел их по телику – самка богомола сожрала своего дружка, а он как будто и не заметил.

За этим снова последовало молчание.

– А о чем они молят? – спросил голос Хозяина.

– Не знаю. Наверное, о том, чтобы не жениться.

Пес умудрился пристроить огромный глаз к дырке в покосившейся изгороди и осторожно заглянул туда.

– А все равно получится как с велосипедами, – авторитетно заявила первая собеседница. – Я-то думала, мне купят семискоростной велик с узким кожаным седлом, фиолетовый и все такое прочее, а мне подарили голубенький драндулет. С корзинкой. Девчоночий велик.

– Ну и что. Ты же девочка, – сказал второй голос.

– Это и есть сексизм – когда человеку покупают девчоночьи подарки только потому, что он девочка.

– А мне подарят собаку, – твердо сказал Хозяин.

Хозяин сидел спиной, и лица его цербер пока не видел.

– Ну конечно, такого здорового ротвейлера? – спросила девочка с уничтожающим ехидством.

– А вот и нет, я хочу собаку, с которой можно играть, – сказал голос Хозяина. – Небольшую такую собаку...

...Глаз в крапивных зарослях резко переместился вниз...

– ...Такого пса, который все понимает, умеет лазать в кроличьи норы и чтобы одно ухо у него было вот так вот забавно вывернуто. В общем, самую лучшую дворняжку. Чистокровную.

Сидевшая внизу компания не услышала тихого хлопка, который прозвучал на краю карьера. С таким звуком воздух заполняет вакуум, образовавшийся, к примеру, в результате превращения огромного пса в собаку весьма скромных размеров.

А шорох, который последовал за хлопком, возможно, был вызван тем, что одно ухо у этой собаки вывернулось наизнанку.

– И я назову его... – сказал голос Хозяина. – Я назову его...

– Ну? – подначивала девочка. – Как же ты его назовешь?

Цербер ждал. Настал решающий миг. Наречение. Оно определит его цель, его назначение, его сущность. Его глаза, которые теперь были гораздо ближе к земле, загорелись тусклым огнем, а в крапиву закапала слюна.

– Я назову его Псом, – решительно сказал Хозяин. – Чем проще, тем лучше.

Цербер замер. Где-то в глубине своего дьявольского собачьего ума он понимал: что-то идет не так, но ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться, а огромная любовь к Хозяину, внезапно охватившая его, подавила все дурные предчувствия. И вообще, разве ему решать, какого он должен быть размера?

Пес потрусил вниз по склону навстречу своей судьбе.

Правда, с каким-то странным ощущением. Ему всегда хотелось бросаться на людей, но только сейчас он неожиданно понял, что при этом ему хочется еще и вилять хвостом.

– Ты же говорил, что это он! – простонал Азирафаэль, рассеянно снимая остатки кремowego торта с лацкана и облизывая пальцы.

– Это и был он, – сказал Кроули. – Уж я-то должен знать, верно?

– Значит, вмешался еще кто-то.

– Да нет же никого больше! Только мы с тобой! Добро и Зло. Наши или ваши.

Кроули в сердцах стукнул по рулевому колесу.

– Ты даже не представляешь, что со мной могут сделать там, Внизу, – сказал он.

– Думаю, примерно то же, что сделают со мной Наверху, – заметил Азирафаэль.

– А, брось ты. У вас же там непостижимое милосердие, – кисло буркнул Кроули.

– Да? А ты, случаем, в Гоморре никогда не бывал?

– Как же, как же, – ответил демон. – Там была отличная маленькая забегаловка, где подавали потрясающий коктейль из перебродивших фиников с мускатным орехом и толченым лимонником...

– Я имею в виду после.

– А.

– Должно быть, что-то случилось в той богадельне, – сказал Азирафаэль.

– Да быть того не может! Там же было полно наших!

– Чьих именно? – спокойно уточнил Азирафаэль.

– В смысле моих, – поправился Кроули. – Точнее, не совсем моих. Ну, ты понимаешь. Сатанистов.

Последнее слово он попытался произнести как можно более небрежно. Земной мир казался Кроули и Азирафаэлю на диво интересным местечком, которым оба надеялись наслаждаться как можно дольше, но мнения их совпадали крайне редко. За исключением одного: они полностью сходились во взглядах на людей, которые по той или иной причине решили поклоняться Князю Тьмы. При встречах с ними Кроули всегда испытывал неловкость. Оскорблять их, конечно, было нельзя, но он невольно чувствовал то же, что ветеран войны во Вьетнаме при виде соседа, явившегося в камуфляже и при оружии на собрание районной группы добровольного содействия полиции.

Кроме того, сатанисты всегда отличались каким-то унылым фанатизмом. Чего стоила одна эта возня с перевернутыми крестами, пентаграммами и петухами! Большинство демонов

только плечами пожимали, ведь во всем этом не было никакой необходимости. Чтобы стать сатанистом, нужно лишь усилие воли. Можно всю жизнь им прожить и даже не догадываться о существовании пентаграмм, а мертвых петухов употреблять исключительно в виде цыплят табака.

Хотя некоторые сатанисты старой школы были, в сущности, вполне приятными людьми. Они произносили положенные слова, совершали положенные ритуалы – точно так же, как те, кого они считали своими противниками, – а потом возвращались домой и до конца недели жили непритязательной заурядной жизнью, в которой не было места никаким особенно грешным помыслам.

Что же до остальных...

От некоторых типов, называющих себя сатанистами, Кроули просто передергивало. Не столько от их поступков, сколько от того, как ловко они списывают все на счет Ада. Изобретут какой-нибудь тошнотворный план, до которого ни один демон не додумался бы и за тысячу лет, отвратительную и бессмысленную мерзость, измыслить которую способен лишь человеческий мозг, а потом орут: «Меня Дьявол заставил!» – и добиваются сочувствия суда. А ведь никому и в голову не приходит, что Дьявол вообще никого никогда не заставляет. Нет необходимости. Но как раз этого многие люди никак и не возьмут в толк. По мнению Кроули, преисподняя никогда не была средоточием порока, а небеса – оплотом добродетели; и те и другие – лишь игроки в великой космической шахматной партии. И только в глубине человеческой души можно обнаружить нечто неподдельное: истинную благодать и настоящее убийственное зло.

– Ах вот оно что, – сказал Азирафаэль. – Сатанисты...

– Не пойму, что там можно было перепутать, – пожал плечами Кроули. – Два ребенка. Всего два. Элементарное ведь задание. – Тут он запнулся. В тумане воспоминаний нарисовалась маленькая монахиня, которая еще тогда показалась ему чересчур взбалмошной даже для сатанистки. И еще кто-то там был... Кроули смутно припомнил трубку и джемпер в зигзагах, вышедший из моды еще в 1938 году. На этом типе прямо-таки написано было: «Я будущий отец!»

Должно быть, затесался еще и третий младенец.

Он сообщил о своем предположении Азирафаэлю.

– Ну и что из этого следует? – спросил ангел.

– Мы знаем, что тот ребенок должен быть жив, – сказал Кроули, – а поэтому...

– Но откуда мы это знаем?

– Если бы он вернулся Вниз, думаешь, я бы еще тут торчал?

– Логично.

– Итак, остается лишь найти его, – подытожил Кроули. – Первым делом просмотрим регистрационные записи.

Мотор «Бентли» завелся, и машина рванулась вперед, впечатав Азирафаэля в спинку сиденья.

– А дальше что? – спросил он.

– Дальше мы найдем ребенка.

– Ну а дальше-то что? – Ангел зажмурился, когда машину занесло на повороте.

– Не знаю.

– О-хо-хо...

– Я полагаю... *прочь с дороги, дурень!*.. ваши не согласятся... *вместе со своим дурацким мотороллером!*.. предоставить мне убежище?

– Я собирался о том же спросить тебя... Осторожно, пешеход!

– Он знал, чем рискует, когда вылез на улицу! – огрызнулся Кроули, втискивая «Бентли» между припаркованной на обочине машиной и такси, так что в оставшуюся щель не пролезла бы даже тончайшая кредитная карточка.

– Следи за дорогой! Следи за дорогой! Где хоть она находится, эта богадельня?
– Где-то к югу от Оксфорда!

Азирафаэль вцепился в приборный щиток.

– Нельзя же гнать по Лондону на скорости девяносто миль в час!

Кроули взглянул на спидометр.

– А почему бы и нет? – сказал он.

– Ты же угробишь нас! – Азирафаэль замялся. – Развоплотишь неприятным способом, – неловко поправился он, слегка успокаиваясь. – Во всяком случае, ты можешь сбить кого-нибудь.

Кроули пожал плечами. Ангел так и не свыкся с двадцатым веком – где уж ему понять, что как раз по Оксфорд-стрит запросто можно делать девяносто миль в час. Надо просто устроить так, чтобы никто не путался под колесами. А поскольку всем известно, что по Оксфорд-стрит с такой скоростью ехать невозможно, никто этого и не заметит.

По крайней мере, автомобили лучше лошадей. Двигатель внутреннего сгорания стал для Кроули просто Бож... благосло... в общем, настоящим подарком судьбы. В прежние времена ему приходилось ездить верхом только на огромных черных зверюгах с горящими глазами и выбивающими искры копытами, да и то исключительно по долгу службы. Этого требовал демонический этикет. Как правило, в итоге Кроули оказывался на земле. Он не слишком хорошо ладил с животными.

Где-то в районе Чизика Азирафаэль принялся рассеянно ворошить кучу кассет в бардачке.

– Что такое «Velvet Underground»? – спросил он.

– Тебе не понравится, – бросил Кроули.

– А-а, бибоп, – пренебрежительно сказал ангел.

– Знаешь, Азирафаэль, если бы миллион человек попросили рассказать о современной музыке, то вряд ли хоть один из них употребил бы слово «бибоп», – заметил Кроули.

– Да, вот это уже лучше. Чайковский. – Азирафаэль открыл футляр и вставил кассету в магнитофон.

– И это тоже тебе не понравится, – вздохнул Кроули. – Кассета в машине уже больше двух недель.

Тяжелые басы наполнили «Бентли», проносившийся мимо Хитроу.

Азирафаэль нахмурил брови.

– Как-то не припоминаю, – сказал он. – Что это?

– Чайковский. «Another One Bites the Dust», – сказал Кроули, прикрыв глаза («Бентли» проезжал через Слау).

Коротая время в дороге по сонным Чилтернским холмам, они послушали «We Are the Champions» Уильяма Берда и «I Want To Break Free» Бетховена. Но больше всего их порадовали «Fat Bottomed Girls» Воана-Уильямса.

Говорят, все лучшие мелодии принадлежат Дьяволу.

В общем, так оно и есть. Но зато на Небесах самые лучшие хореографы.

Горстки огоньков, рассыпанных в закатную сторону по Оксфордширской равнине, отмечали погруженные в дремоту селения, где почтенные йомены готовились ко сну после долгого дня, полного редакторской правки, финансовых совещаний или разработки программного обеспечения.

На вершине ближайшего холма мерцало несколько светлячков.

Геодезический теодолит – один из наиболее зловещих символов двадцатого века. Стоит ему появиться где-нибудь в поле или в лесу, как вы понимаете: се грядет Расширение Дороги, истинно так, и воздвигнуты будут две тысячи жилых домов в полном соответствии с Духом Сельской Местности. Подготовка Руководящих Кадров воспоследует.

Но даже самый добросовестный землемер не станет землемерить в полночь, и тем не менее здесь торчала эта штукавина, вонзив глубоко в дерн острые концы треноги. Теодолиты, верхняя часть которых оснащена ореховой лозой или хрустальным маятником, а тренога украшена кельтскими рунами, по правде сказать, встречаются нечасто.

Легкий ветерок вздувал плащ на стройной фигурке, которая крутила ручки этого агрегата. Плотный непромокаемый плащ на утепленной подкладке.

В большинстве книг по черной магии утверждается, будто ведуньи творят свое колдовство обнаженными. А все потому, что большинство книг по черной магии написано мужчинами.

Молодую женщину звали Анафемой Гаджет. Она не отличалась потрясающей красотой. Каждая черта ее лица, если рассматривать по отдельности, выглядела весьма симпатично, но в целом создавалось впечатление, что это лицо как-то поспешно, не имея определенного замысла, скомпоновали из того, что попало под руку. Вероятно, для ее внешности лучше всего подходило слово «привлекательная», хотя люди, которые способны написать это слово без ошибок, могли бы еще добавить «полная жизни» – но, поскольку от этого определения так и веет пятидесятью, они, скорее всего, не стали бы.

Молодым женщинам внушают, что не следует гулять в одиночку темными ночами, даже в Оксфордшире. Но любой рыскающий маньяк потерял бы охоту заниматься глупостями, да и не только ее, доведись ему встретить на темной тропинке Анафему Гаджет. В конце концов, она же была ведьмой. Именно потому, что она была ведьмой и, следовательно, отличалась здравомыслием, она слабо верила в силу защитных амулетов и заговоров; всем им она предпочитала длинный хлебный нож, который и носила за поясом.

Посмотрев в окуляр прибора, она подкрутила колесико.

Потом что-то пробормотала.

Землемеры частенько бормочут что-то себе под нос. Что-то вроде: «Не успеешь оглянуться, а вот уже и объездная трасса» или «Ага, три с половиной метра плюс-минус комариное крылышко».

Но она бормотала нечто совершенно иное.

– Ночь черна... Луна светла, – бормотала Анафема. – Юго-восток... Запад-юго-запад... запад-юго-запад... о, нашла...

Она развернула геодезическую карту и посветила на нее фонариком. Потом, достав прозрачную линейку и карандаш, аккуратно прочертила на карте линию. Эта линия пересеклась с другой карандашной линией.

Анафема улыбнулась – не то чтобы ее что-то позабавило, просто она мастерски справилась с трудной задачей.

Затем девушка сложила свой затейливый теодолит, привязала его к багажнику черного велосипеда системы «садись-и-молись», завалившегося на живую изгородь, убедилась, что Книга по-прежнему в корзинке, и выкатила велосипед на туманную дорогу.

Велосипед был исключительно древним; в свое время его раму, похоже, смастерили из водопроводных труб. Он появился на свет задолго до изобретения трехскоростных машин, а может, и сразу же после изобретения колеса.

Но городок был совсем близко, у подножия холма. Волосы струились по ветру, плащ вздувался за спиной, словно купол парашюта, и, овеваемая теплым воздухом, она выжала из двухколесного орудия убийства все, на что оно способно. Ведь в такую пору дорога всегда свободна.

Мотор «Бентли» негромко потрескивал, постепенно охлаждаясь. А Кроули, напротив, горячился.

– Ты сказал, что видел указатель, – уточнил он.

– Мы слишком быстро промчались. К тому же мне казалось, это ты бывал здесь прежде.

– Одиннадцать лет назад!

Кроули бросил карту на заднее сиденье и снова завел машину.

– Может, спросим кого-нибудь? – предложил Азирафаэль.

– О да, – сказал Кроули. – Мы остановимся и спросим первого же встречного... который вышел прогуляться по ночной трассе, не так ли?

Он переключил скорость и рванул по узкой дороге, обсаженной буками.

– Странное местечко, – сказал Азирафаэль. – Неужели не чувствуешь?

– Что?

– Притормози.

«Бентли» вновь снизил скорость.

– Странно, – проворчал ангел. – Опять эти проблески...

Он поднес пальцы к вискам.

– О чем ты? Какие проблески? – спросил Кроули.

Азирафаэль посмотрел на него.

– Любви, – сказал он. – Кто-то по-настоящему любит это место.

– Не понял?

– Здесь повсюду разлита невероятная любовь. Я не могу объяснить понятнее. Тем более тебе.

– Это примерно как... – начал Кроули.

Шум, визг, скрежет металла. Машина остановилась.

Азирафаэль прищурился, опустил руки и неуверенно открыл дверцу.

– Ты в кого-то врезался, – сказал он.

– Нет, – сказал Кроули. – Кто-то врезался в меня.

Они вышли из машины. Позади «Бентли» на дороге лежал велосипед; его переднее колесо было трудно отличить от ленты Мебиуса, заднее, замедляя вращение, угрожающе пощелкивало.

– Да будет свет, – сказал Азирафаэль. Бледно-голубое сияние наполнило проселок.

Из придорожной канавы донесся чей-то голос:

– Черт возьми, как вы это сделали?

Свет погас.

– Сделали что? – виновато спросил Азирафаэль.

– О-ох, – теперь в голосе звучало замешательство. – Наверное, я обо что-то стукнулась головой...

Кроули выразительно глянул на длинную царапину вдоль блестящего крыла машины и вмятину на бампере. Вмятина выпрямилась. Царапина исчезла.

– Выбирайтесь, юная леди, – сказал ангел, вытаскивая Анафему из папоротников. – Все в порядке, ничего не сломали.

(Это было утверждение, а не пожелание; у девушки был небольшой перелом, но Азирафаэль не мог отказать себе в удовольствии сделать доброе дело.)

– У вас не горели фары, – начала она.

– У вас тоже, – сказал Кроули виновато. – Так что мы квиты.

– Увлекаетесь астрономией, да? – поинтересовался Азирафаэль, поднимая велосипед. Из передней корзины что-то высыпалось. Ангел показал на потрепанный теодолит.

– Нет, – сказала Анафема. – То есть да. Только посмотрите, что вы сделали с моим старичком «Фазтоном»!

– Простите, с кем? – сказал Азирафаэль.

– С велосипедом. Он весь погнулся...

– Эта старая машинерия удивительно живуча, знаете ли, – весело сказал ангел, подталкивая к ней велосипед. В лунном свете блеснуло переднее колесо, идеально круглое, словно любой из кругов Ада.

Девушка с недоумением уставилась на велосипед.

– Что ж, поскольку все уладилось, – сказал Кроули, – лучше всего каждому просто отправиться своей... э-э... Вы случайно не знаете, как доехать до Нижнего Тадфилда?

Анафема продолжала разглядывать свой велосипед. Она была почти уверена, что никогда не видела седельной сумочки с набором инструментов.

– Да просто спуститься с холма, – ответила она. – Неужели это и правда мой велосипед?

– Разумеется, – сказал Азирафаэль, надеясь, что не слишком переусердствовал.

– Только у моего «Фазтона» не было насоса, я точно помню.

Взгляд ангела вновь стал виноватым.

– Но здесь же есть крепление для него, – уныло сказал он. – Две маленькие скобки.

– Спуститься с холма, вы сказали? – спросил Кроули, подталкивая ангела локтем.

– Наверное, я все-таки стукнулась головой, – сказала девушка.

– Мы бы предложили подвезти вас, конечно, – быстро проговорил Кроули, – но нам некуда пристроить ваш велосипед.

– Разве что наверх, на багажник, – предложил Азирафаэль.

– Но у «Бентли» нет... А. Угу.

Собрав с земли содержимое велосипедной корзины, ангел сунул все на заднее сиденье и помог ошарашенной девушке забраться в машину.

– Нельзя оставаться в стороне, – сказал он Кроули.

– Тебе нельзя. А мне очень даже можно. Ты не забыл, что нас ждут другие дела?

Кроули бросил яростный взгляд на крышу «Бентли», где только что материализовался новенький багажник. С клетчатыми ремешками.

Велосипед поднялся в воздух, аккуратно улегся на крышу и туго затянулся ремнями. Кроули сел в машину.

– Где вы живете, милая? – наилюбезнейшим тоном спросил Азирафаэль.

– И фар у моего велосипеда тоже не было. Вернее сказать, когда-то были, но я их сняла, когда потекли батарейки, – сказала Анафема. Она посмотрела на Кроули. – Между прочим, – добавила она, – у меня с собой большой нож. Где-то здесь.

Азирафаэля потрясло ее подозрение.

– Мадам, уверяю вас...

Кроули включил фары. Сам он и без них все отлично видел, но какой смысл зря нервировать прочих водителей? Потом он завел машину и степенно съехал с холма. Дорога вынырнула из-за деревьев и через несколько сотен ярдов привела их на окраину городка.

Местность явно была знакомой. Прошло одиннадцать лет, но Кроули чувствовал что-то... словно далекий звон колокольчика в тумане.

– Здесь поблизости есть больница? – спросил он. – Ну, там еще служат монахини?

Анафема пожала плечами.

– Кажется, нет, – сказала она. – Здесь только один большой дом – Тадфилд-мэнор. Не знаю, что там сейчас творится.

– Божественный промысел, – проворчал Кроули.

– И переключатель скоростей, – продолжала недоумевать Анафема. – У моего старичка не было никаких скоростей. Я точно это помню.

Кроули склонился к ангелу.

– О боже, исцели этот велик, – саркастически прошептал он.

– Ну извини, я слегка увлекся, – прошипел в ответ Азирафаэль.

– А клетчатые ремешки?

– Шотландка нынче в моде.

Кроули тихо зарычал. Даже в тех редких случаях, когда ангелу удавалось осознать, что на дворе двадцатый век, он все равно не продвигался дальше пятидесятих.

– Вы можете высадить меня здесь, – подала Анафема голос с заднего сиденья.

– С удовольствием, – просиял ангел. Как только машина остановилась, он открыл заднюю дверцу и поклонился, словно старый слуга, приветствующий молодого массу на старой плантации.

Анафема схватила в охапку все свои вещи и вышла со всей возможной надменностью.

Она готова была поклясться, что ни один из ее попутчиков даже не прикасался к багажнику, однако велосипед уже стоял возле калитки.

На редкость странные типы, решила она.

Азирафаэль поклонился вновь.

– Искренне рады, что смогли помочь вам, – сказал он.

– Благодарю вас, – ледяным тоном произнесла Анафема.

– Может, поедem дальше? – предложил Кроули. – Доброй ночи, мисс. Ангел, в машину.

Ага. Теперь понятно. Значит, ей все-таки ничего не угрожало.

Посмотрев вслед машине, удалявшейся к центру городка, она направила велосипед по тропинке к своему коттеджу. Ей даже не приходило в голову запирать его. Агнесса наверняка предупредила бы насчет ограбления, ведь семейную историю она видела как на ладони.

Коттедж, который снимала Анафема, был меблированным – иначе говоря, был обставлен мебелью особого сорта, отвергнутой на милость мусорщика даже в местном благотворительном магазинчике подержанных товаров. Но это не имело значения. Анафема не собиралась задерживаться здесь надолго.

Если Агнесса права, то она вообще нигде не задержится. Как, впрочем, и все остальные.

Анафема разложила карты и прочие вещи на старом кухонном столе, под лампочкой, одиноко свисающей с потолка.

Что же ей удалось установить? Не слишком много. Вероятно, Оно находится в северном конце деревни, о чем Анафема и так догадывалась. Если она подходила слишком близко, сигнал просто оглушал, а если расстояние было слишком велико, не удавалось точно зафиксировать координаты.

Это раздражало. Где-то в Книге должен быть ответ. Беда в том, что для понимания Пророчеств необходимо постичь ход мыслей слегка свихнувшейся, но весьма неглупой ведьмы, которая жила в семнадцатом веке и излагала свои мысли как заправский составитель кроссвор-

дов и головоломок. Другие члены семьи полагали, будто Агнесса специально формулировала свои предсказания так загадочно, чтобы скрыть их смысл от чужаков; Анафема же, подозревавшая, что порой ей удастся мыслить как Агнесса, решила, что та попросту была зловрединой с отвратительным чувством юмора.

Она даже не...

Книга пропала.

Анафема в ужасе оглядела стол. Карты. Самодельный гадательный теодолит. Термос с горячим бульоном. Фонарик.

И прямоугольная пустота в том месте, где следовало бы лежать «Пророчествам».

Потеряла.

Но это же просто смешно! Что-что, а судьбу самой Книги Агнесса предсказала до мельчайших подробностей!

Девушка схватила фонарик и выбежала из дома.

– Это чувство, э-э... скажем так, прямо противоположно тому, что называют «мороз по коже», – сказал Азирафаэль. – Вот я о чем.

– Я никогда не говорю «мороз по коже», – сказал Кроули. – Хотя, конечно, ничего против него не имею.

– В общем, сердце греет, – в отчаянии произнес Азирафаэль.

– Увы. Ничего такого не замечаю, – с натянутой улыбкой сказал Кроули. – Ты просто слишком уж чувствителен.

– Мне по должности положено, – сказал Азирафаэль. – Ангел не может быть *слишком* чувствительным.

– Я думаю, людям здесь нравится, и ты всего лишь это уловил.

– Никогда не улавливал в Лондоне ничего подобного, – заметил Азирафаэль.

– В том-то и дело. Значит, я прав, – сказал Кроули. – А вот и то самое место. Я помню каменных львов у ворот.

Фары «Бентли» осветили кусты рододендронов, что разрослись вдоль подъездной аллеи. Шины зашуршали по гравии.

– Не рановато ли будить монахинь? – с сомнением сказал Азирафаэль.

– Чепуха. Монахини на ногах круглые сутки, – возразил Кроули. – То у них вечерня, то повечерие – если это, конечно, не блюда местной кухни.

– Пошлые шуточки, – сказал ангел. – Зря ты так, право же.

– А ты их не защищай. Я же говорил – они из наших. Черные монашки. Нам нужна была какая-то лечебница поблизости от авиабазы.

– Не понял.

– Не думаешь же ты, что жены американских дипломатов рожают детей под присмотром монашек у черта на куличиках? Все должно было произойти вполне естественно. Здесь, в Нижнем Тадфилде, есть американская авиабаза, на ее открытие и приехала супруга атташе. Начались схватки, больницу на базе еще не оборудовали, и тут наш человек говорит: «Есть одно местечко поблизости». Вот как обстояли дела. Неплохая подготовка.

– Если не считать одной или двух незначительных деталей, – с самодовольной ухмылкой отметил Азирафаэль.

– Но ведь почти сработало, – быстро вставил Кроули, чувствуя, что ему следует вступить за честь фирмы.

– Видишь ли, зло всегда содержит семена саморазрушения, – сказал ангел. – Сама его сущность – отрицание, и потому даже в час мнимой победы оно готовит собственный крах. Не важно, насколько грандиозен, продуман и надежен злонамеренный план. Греховность, присущая ему по определению, неизбежно ударит по зачинщикам. Каким бы успешным он ни казался до поры до времени, в конце все равно ждет провал. Все, что строится на скалах беззакония, бесследно сгинет в морях забвения.

Кроули немного поразмыслил над этим.

– Не, – сказал он. – Обычная некомпетентность, вот и всё. Эге-ге...

Он тихонько присвистнул.

Покрытый гравием двор перед особняком был заполнен машинами, которые едва ли могли принадлежать монашкам. Во всяком случае, «Бентли» здесь явно не котиrowался. В названиях большинства машин имелись слова «гранд» или «турбо», а на крышах торчали телефонные антенны. И среди них вряд ли нашлась бы хоть одна старше года.

У Кроули зачесались руки. Если Азирафаэль исцелял велосипеды и сломанные кости, то ему ужасно захотелось стянуть несколько приемников, проколоть пару шин и так далее. Однако он устоял.

– Ну-ну, – сказал он. – Помню, в былые дни монашки упаковывались по четверо в старые колымаги.

– Что-то не так, – сказал Азирафаэль.

– Может, теперь тут частная клиника? – предположил Кроули.

– Либо ты нашел не то место.

– Да то самое место, говорят тебе. Пойдем.

Они вылезли из машины. А через тридцать секунд кто-то выстрелил в них обоих. С невероятной меткостью.

Если и была у Мэри Ходжес, бывшей Тараторы, сильная сторона, так это умение подчиняться приказам. Она любила подчиняться. Ведь это так упрощает жизнь.

А вот перемены она терпеть не могла. Мэри искренне привязалась к Неумолчному ордену. Впервые у нее появились подруги. Впервые у нее появилась собственная комнатка. Конечно, она понимала, что здешние монахини занимались делами, которые с определенной точки зрения можно назвать дурными, но за тридцать лет Мэри Ходжес много повидала в жизни и не питала иллюзий по поводу того, что приходится совершать людям, лишь бы протянуть от зарплат до зарплат. Кроме того, здесь хорошо кормили, да и люди попадались интересные.

После пожара Неумолчный орден – вернее, то, что от него осталось, – съехал отсюда. В конце концов, его единственное предназначение уже было выполнено, так что монахини разошлись каждая своей дорогой.

Мэри решила никуда не уезжать. Ей очень понравился особняк, и она сказала – должен же кто-то присмотреть за восстановлением дома. В наши дни за рабочими нужен глаз да глаз, чтобы они, так сказать, пахали как проклятые. Мэри пришлось нарушить обеты, но мать-настоятельница сказала, что волноваться не о чем – в черных орденах всячески приветствуется нарушение обетов, так было и будет всегда (по крайней мере, в ближайшие одиннадцать лет), так что если ей это в радость, то вот необходимые документы, а вот адрес, на который нужно будет пересылать почту – всю, за исключением писем в длинных коричневых конвертах с прозрачным окошечком для адреса.

А затем произошло что-то очень странное. Оставшись одна в полуразрушенном доме, работая в одной из немногих уцелевших комнат, споря с рабочими в поседевших от штукатурки комбинезонах и с заложенными за уши окурками, воюя с карманными калькуляторами, которые показывали другой результат, когда речь шла о ветхих банкнотах, она обнаружила нечто доселе неведомое.

Под слоями глупости и рвения она обнаружила Мэри Ходжес.

Оказалось, что ей вполне по силам докопаться до сути строительных смет и вычислить налог на добавочную стоимость. Простудировав несколько библиотечных книг, она пришла к выводу, что заниматься финансами очень интересно и вовсе не сложно. Переключившись с женских журналов, тематика которых ограничивалась любовными историями и вязанием, на те, в которых рассказывалось об оргазмах, она мысленно заметила, что надо бы испытать хоть один, если представится случай, после чего отбросила и эти журналы, сочтя их еще одной вариацией романтически-рукодельной темы. В итоге Мэри начала почитать издания, в которых говорилось о слиянии корпораций.

После долгих размышлений она купила в Нортоне небольшой домашний компьютер, весьма позабавив этим снисходительного молодого продавца. Плодотворно потрудившись два выходных дня, она привезла компьютер обратно. И не для того, как подумал продавец, чтобы приобрести недостающий шнур или дисковод, но потому, что в системном блоке не было 387-го сопроцессора. Это до продавца дошло – он же все-таки стоял за прилавком и понимал некоторые длинные слова, – но дальнейший разговор быстро покатился вниз по склону за рамки его компетентности. Мэри Ходжес, однако, предъявила ему новые журналы. Названия большинства из них включали аббревиатуру «ПК», а все важные статьи и обзоры были аккуратно обведены красными чернилами.

Она прочла статью о Женщинах Новой Формации. Прежде ей и в голову не приходило, что она была Женщиной Старой Формации, но, подумав как следует, она решила, что определения такого рода, в общем, недалеко отстоят от любовных историй, вязания и оргазмов, а что действительно важно – так это быть собой, причем изо всех сил. Мэри всегда любила одеваться в черное с белым. Так что ей оставалось лишь укоротить юбку, надеть каблуки повыше и сбросить плат.

И вот как-то раз, листая журнал, она узнала, что в стране налицо неудовлетворенный спрос на просторные здания с обширными приусадебными участками, принадлежащие людям, которые осознавали бы растущие потребности деловых кругов. На следующий день Мэри заказала партию канцелярских принадлежностей с логотипом Центра подготовки руководящих кадров «Тадфилд-мэнор», рассудив, что к тому времени, когда их напечатают, она уже выяснит все необходимое и сможет приступить к делу.

Рекламные объявления вышли на следующей неделе.

Все обернулось ошеломляющим успехом, поскольку Мэри Ходжес, начав новую карьеру (перспективная цель – стать Мэри Ходжес), быстро осознала главное. Обучение руководителей не сводится к тому, чтобы сажать людей перед проектором и показывать им сомнительные слайды. Современным компаниям требуются гораздо более эффективные методы.

И она обеспечила их.

Кроули рухнул на землю, привалившись спиной к какой-то статуе. Азирафаэль уже лежал на спине под кустом рододендрона; по его фраку расползлось темное пятно.

Кроули почувствовал, как увлажняется его собственная рубашка.

Что за ерунда! Оказаться убитым сейчас было бы в высшей степени неуместно. Придется придумывать всевозможные объяснения. Не так-то просто получить новое тело; обычно требуется по всей форме отчитаться о том, что ты сделал со старым. Все равно что раздобыть новый карандаш в особо зловредной канцелярии.

Он недоверчиво взглянул на свою руку.

Демонам полагается видеть в темноте. И он увидел, что его рука пожелтела. Значит, он истекал желтой кровью.

Кроули с опаской лизнул палец.

Потом он подполз к Азирафаэлю и внимательно взглянул на его рубашку. Если пятно на ней было кровавым, то с биологией явно творилось нечто странное.

– О-о-ох, больно-то как, – простонал павший ангел. – Меня стукнуло прямо под ребра.

– Да, но разве кровь у тебя голубая? – спросил Кроули.

Азирафаэль открыл глаза. Похлопал себя правой рукой по груди. Приподнялся с земли. И провел такой же беглый осмотр потерпевшего, как и Кроули.

– Краска? – сказал он.

Кроули кивнул.

– Что же это за игра такая? – удивился Азирафаэль.

– Не знаю, – сказал Кроули. – Но что-то мне подсказывает, что она называется «тупые придурки». – По его тону было ясно, что демон и сам может сыграть в эту игру. Причем гораздо лучше.

Да, это была игра. Потрясающая игра! Найджел Томпкинс, замначальника отдела снабжения, по-пластунски полз по траве. Перед его мысленным взором вспыхивали самые запоминающиеся эпизоды из лучших фильмов Клинта Иствуда. И подумать только, как он заблуждался, считая, что будет умирать со скуки на этих курсах менеджмента...

Им, правда, прочитали одну лекцию, но она была о пистолетах с краской и о том, чего с ними ни в коем случае не следует делать, и Томпкинс видел по оживившимся молодым лицам конкурентов-сокурсников, что они все до единого полны решимости применить запретные приемы при первом же удобном случае. Томпкинсу казалось вполне очевидным: если вам объясняют, что бизнес – это джунгли, и вкладывают в руку пистолет, то никто не рассчитывает, что вы будете понарошку целиться в противника; суть как раз в том, чтобы над вашим камином появилась голова конкурента.

В любом случае поговаривали, что кое-кто из «Объединенной ассоциации» значительно продвинулся по карьерной лестнице, исподтишка выпустив заряд краски в ухо своему непосредственному начальнику, который после этого начал жаловаться на звон в ушах во время важных совещаний и в итоге был уволен по состоянию здоровья.

И вот Томпкинс и его сокурсники – выражаясь метафорически, собратья-сперматозоиды – боролись за первенство, сознавая, что акционерной компании «Индастриал холдингз» нужен только один председатель правления и что эта должность, вероятно, достанется самому главному члену (правления).

Конечно, девушка из отдела кадров говорила совсем другое – мол, курсы предназначены для развития лидерских способностей, группового сотрудничества, инициативности и так далее. Курсанты старались не смотреть друг на друга.

До сих пор все складывалось вполне удачно. После сплава на каноэ через пороги сошел с дистанции Джонстон (повреждена барабанная перепонка), а вылазка в горы Уэльса сбросила со счетов Фьютикера (растяжение в паху).

Томпкинс запихнул в пистолет очередной шарик с краской и пробормотал коммерческие мантры. Кинь Их Прежде, Чем Они Кинут Тебя. Убей Или Будешь Убит. Не Подгадишь, Не Видать Тебе Кормушки. Выживает Сильнейший. Есть Два Типа Людей, Мой Друг...

Он подполз поближе к двум темным фигурам около статуи. Похоже, его не замечали.

Когда прикрытие (живая изгородь) закончилось, он глубоко вдохнул и вскочил на ноги.
– А вот вам, школоты... аaaaaa!..
На месте одной из фигур оказалось нечто *ужасное*. Томпкинс потерял сознание.
Кроули вернулся в свое любимое обличье.

– Ненавижу такие превращения, – пробормотал он. – Вечно боюсь, что забуду, как перевоплотиться обратно. Да и костюм испортить можно.

– На мой взгляд, с личинками ты немного перестарался, – сказал Азирафаэль беззлобно. Ангелам положено придерживаться определенных моральных норм, поэтому в отличие от Кроули он предпочитал покупать себе одежду, а не просто вызывать ее из небытия. И его рубашка была довольно дорогой. – Ты посмотри только, – сказал он. – Мне в жизни это пятно не вывести.

– А ты его развоплоти, – посоветовал Кроули, проверяя, не прячутся ли в кустах еще какие-нибудь недоученные менеджеры.

– Да, но я все равно буду знать, что здесь было пятно. Понимаешь? В глубине души, – сказал ангел. Подняв пистолет, он повертел его в руках. – Первый раз вижу такую штуку, – добавил он.

Раздался свистящий звук, и статуя рядом с ними лишилась уха.

– Давай пошевеливаться, – сказал Кроули. – Он был не один.

– Интересный пистолет. Очень необычный.

– Я думал, у вас не одобряют оружие, – заметил Кроули. Он взял пистолет из пухлой руки ангела и осмотрел обрубок ствола.

– Современное мышление – вполне одобряет, – сказал Азирафаэль. – Оружие придает вес духовным аргументам. В праведных руках, разумеется.

– Неужели? – Кроули слегка поколдовал над пистолетом. – Значит, все в порядке. Пошли.

Он бросил пистолет на тело бесчувственного Томпкинса и решительно зашагал прочь по влажному газону.

Входная дверь особняка оказалась открытой. Они вошли в дом, не привлекая внимания. Упитанные молодые люди в забрызганной краской армейской униформе попивали какао в трапезной; кое-кто приветливо помахал вошедшим.

В дальнем конце зала находилось что-то вроде конторки портье, как в отеле: скромно и внушительно. Азирафаэль изучил доску объявлений на алюминиевой подставке.

На черной поверхности маленькими пластмассовыми буквами было выложено сообщение: «20–21 августа: компания с ограниченной ответственностью «Индастриал холдингз». Вводный курс боевой подготовки».

Тем временем Кроули перелистывал рекламный буклет. На глянцевых страницах красовались прекрасные фотографии особняка, отдельно упоминались джакузи и закрытый плавательный бассейн с подогревом, а в конце имелась традиционная карта в помощь участникам конференций: там заботливо указывается обманчиво легкий путь от любой автомагистрали страны и ненавязчиво опускается многомильный лабиринт сельских дорог.

– Не туда попали? – спросил Азирафаэль.

– Туда.

– Значит, не вовремя.

– Пожалуй.

Кроули пролистал проспект в надежде найти какую-то зацепку. Пожалуй, наивно было надеяться, что здесь по-прежнему будут жить монашки Неумолчного ордена. В конце концов, свою миссию они выполнили. Он зашипел сквозь зубы. Перебрались, должно быть, в американскую глухомань, чтобы совращать с пути истинного тамошних христиан. Но Кроули упрямо читал дальше. Он знал, что иногда в подобные брошюры включают краткую историческую справку, поскольку организациям, арендующим такие места на выходные для Интерактивных Тренингов Кадрового Составы или Совещаний по Динамической Стратегии Маркетинга, приятно осознавать, что их деятельность становится еще более интерактивной и стратегической в стенах того самого особняка, – пережившего пару капитальных ремонтов, гражданскую войну и два больших пожара, – который был построен на средства некоего богача времен Елизаветы и служил больницей во время эпидемии чумы.

Нельзя сказать, чтобы Кроули всерьез рассчитывал наткнуться на фразу типа «всего одиннадцать лет назад особняк принадлежал женскому монастырю ордена сатанистов, хотя, вообще-то, монашки в этом ни черта не смыслили», – но ведь никогда не знаешь наверняка.

К ним лениво приблизился упитанный парень в камуфляже и с пластмассовой чашкой кофе в руках.

– Кто выигрывает? – дружелюбно спросил он. – Молодой Эвансон из группы Перспективного планирования так заехал мне по правому локтю!

– Мы все, похоже, проиграем, – туманно ответил Кроули.

Из сада донеслась стрельба. Не треск и свист шариков с краской, а настоящий грохот, который производят, с огромной скоростью вылетая из ствола, кусочки свинца аэродинамической формы.

А затем ответная очередь с другой стороны.

Резервные бойцы переглянулись. Следующий залп разнес вдребезги довольно уродливый викторианский витраж около двери и пробил ряд дырочек в оштукатуренной стене над головой Кроули.

Азирафаэль схватил его за руку.

– Что за чертовщина? – воскликнул он.

Лицо Кроули озарилось змеиной улыбкой.

Найджел Томпкинс очнулся с легкой головной болью и весьма туманными воспоминаниями о событиях последних минут. Он не подозревал, что человеческий мозг обладает замечательным защитным механизмом, позволяющим стирать из памяти особенно невыносимые сцены, и поэтому счел этот туман последствием случайной пульки, попавшей ему в голову.

Он смутно осознал, что его пистолет стал немного тяжелее, но, будучи слегка не в себе, понял, что именно случилось с его оружием, только после того, как прицелился в Нормана Везерда из отдела Внутреннего аудита и нажал на спусковой крючок.

– Не пойму, что тебя возмущает, – сказал Кроули. – Он же сам хотел настоящую пушку. Только о ней и мечтал.

– Но ты натравил его на беззащитных людей! – сказал Азирафаэль.

– О нет, – сказал Кроули. – Не совсем так. Все по-честному.

Личный состав отдела Финансового планирования распластался в траве за повалившимся забором и комментировал события в самых забористых выражениях.

– Я всегда говорил, что этим, из Снабжения, нельзя доверять, – сказал заместитель финансового директора. – Вот ублюдки!

В стену над его головой с грохотом ударила пуля.

Он быстро переполз к маленькой группе, склонившейся над Везердом.

– Ну что там?! – воскликнул он.

Заместитель главного бухгалтера повернул к нему измученное лицо.

– Плохи дела, – мрачно сказал он. – Пуля пробила почти все. «Аксесс», «Барклай-кард» и «Дайнерс» – навывлет.

– Застреляла только в золотой карте «Американ экспресс», – добавил Везерд.

С тихим ужасом они разглядывали испорченный бумажник для кредитных карточек с пулевым отверстием, прошившим его почти насквозь.

– Зачем они так? – спросил один из служащих бухгалтерии.

Начальник отдела Внутреннего аудита открыл рот, подыскивая какой-то разумный ответ, да так и не нашел. Каждого можно на чем-то сломать, и аудитор уже слышал треск. Двадцать лет службы. Когда-то он хотел стать художником-оформителем, но консультант по профориентации о таком даже не слышал. Двадцать лет двойной проверки финансовых ведомостей. Двадцать лет возни с этим чертовым ручным арифмометром, хотя даже сотрудники Перспективного планирования уже работали на компьютерах. И вот теперь, непонятно почему, – может, в целях реорганизации или чтобы избежать расходов, связанных с досрочным выходом на пенсию, – они решили убить его.

В его ушах трубила марш паранойя.

Он опустил взгляд на свое оружие. Сквозь дымку ярости и недоумения он заметил, что пистолет стал больше и чернее, чем прежде. И еще тяжелее.

Он прицелился в ближайший куст, и очередь стерла зеленое насаждение с лица земли.

Ага! Так вот что это за игра. Ладно, посмотрим, чья возьмет.

Он взглянул на своих подчиненных.

– Отлично, парни, – сказал он. – Давайте сделаем этих недоносков!

– Мне кажется, – заметил Кроули, – что стрелять никого не заставляют.

И он улыбнулся Азирафаэлю широкой и жесткой улыбкой.

– Пошли, – сказал он. – Посмотрим, что к чему, пока они заняты делом.

В ночи гремели выстрелы.

Джонатан Паркер из группы Снабжения ползком пробирался по кустам, и вдруг кто-то обхватил рукой его шею.

Найджел Томпкинс выплюнул изо рта листья рододендрона.

– Может, где-то там и работают законы компании, – прошипел он сквозь корку грязи, – но здесь я закон...

– Довольно подлая выходка, – заметил Азирафаэль, шагая по пустому коридору.

– А что я такого сделал? Ну что я сделал? – бубнил Кроули, наугад открывая двери.

– По твоей милости люди стреляют друг в друга!

– Ну и что? Это их выбор. Им хотелось пострелять – я всего лишь помог. Считай это уменьшенной моделью Мироздания. Свобода воли для каждого и все такое. Непостижимая штука, так ведь?

Азирафаэль молча смотрел на него.

– Ну ладно, ладно, – с несчастным видом буркнул Кроули. – Никто никого не убьет. Они все чудесным образом уцелеют. Иначе было бы уже не смешно.

Азирафаэль облегченно вздохнул.

– Знаешь, Кроули, – сказал он, сияя улыбкой, – я всегда говорил, что в глубине души ты совершенно...

– Прекрасно, прекрасно, – огрызнулся Кроули. – Почему бы тебе не разстрелять об этом на весь бо... белый свет?

Через некоторое время стали возникать ненадежные союзы. Сотрудники большинства финансовых отделов обнаружили, что у них есть общие интересы, уладили свои разногласия и, объединившись, единым фронтом атаковали группу Перспективного планирования.

Когда прибыла первая полицейская машина, шестнадцать пуль с разных сторон пробили ее радиатор прежде, чем она доехала до середины подъездной дорожки. Еще два выстрела срезали радиоантенну, но слишком поздно, слишком поздно.

Мэри Ходжес как раз собиралась положить телефонную трубку, когда Кроули открыл дверь ее кабинета.

– Это, должно быть, террористы, – рявкнула она. – Или браконьеры. – Она уставилась на вошедших. – Вы ведь из полиции?

Кроули увидел, что ее глаза распахиваются все шире.

Как все демоны, он обладал хорошей памятью на лица, и ему не помешало то, что прошло больше десяти лет, исчез плат, зато появился довольно строгий макияж. Он прищелкнул пальцами. Мэри опустила в кресло, а на лице у нее застыло отсутствующее, но любезное выражение.

– Зря ты так, – сказал Азирафаэль.

– Доб... – Кроули глянул на свои часы, – ...рое утро, мадам, – сказал он нараспев. – Мы просто двое сверхъестественных существ и хотели бы поинтересоваться, не знаете ли вы, где сейчас находится пресловутый Сын Сатаны. – Он сухо улыбнулся ангелу. – Так что, мне будить ее? Только чур – излагать все это будешь ты.

– Ну, раз ты так на это смотришь... – протянул ангел.

– Иногда старые методы работают лучше всего, – сказал Кроули. Он повернулся к безучастной женщине. – Вы были здесь монахиней одиннадцать лет назад? – спросил он.

– Да, – ответила Мэри.

– Вот! – бросил Кроули Азирафаэлю. – Я знал, что не ошибся.

– Дьявольская удача, – пробурчал ангел.

– Вас тогда звали сестрой Балаболкой. Или как-то вроде этого.

– Тараторой, – глухо ответила Мэри Ходжес.

– И вы помните историю с подменой новорожденных? – спросил Кроули.

Мэри Ходжес помедлила с ответом. Потом наконец заговорила с видом человека, который впервые прикасается к воспоминаниям, давно заросшим многолетней пылью.

– Да, – сказала она.

– Вы могли что-нибудь перепутать?

– Я не знаю.

Кроули немного подумал.

– У вас должны были остаться записи, – сказал он. – Обычные регистрационные журналы. В наши дни все регистрируется. – Он гордо взглянул на Азирафаэля. – Это была одна из моих лучших идей.

– Да, конечно, – сказала Мэри Ходжес.

– И где же они? – ласково спросил Азирафаэль.

– Когда новорожденных увезли, у нас случился пожар.

Кроули застонал и воздел руки к небу.

– Ясное дело, Хастур постарался, – сказал он. – Узнаю его стиль. Вот и доверяй им после этого. А сам-то небось воображает, будто чертовски умно придумал.

– Вы помните какие-нибудь приметы второго ребенка? – сказал Азирафаэль.

– Да.

– Пожалуйста, расскажите мне.

– У него были ути-какие пальчики.

– А...

– Такой был милый, – мечтательно сказала Мэри Ходжес.

Снаружи донесся звук сирены, резко оборвавшийся после очередного выстрела. Азирафаэль подтолкнул Кроули локтем.

– Уходим! – сказал он. – Сейчас сюда ввалится полиция, и я, конечно, буду морально обязан помочь им в расследовании. – Он на мгновение задумался. – Может, она вспомнит – а вдруг той ночью еще кто-нибудь рожал?

С первого этажа донесся топот бегущих ног.

– Задержи их, – сказал Кроули. – Нам нужно время!

– Еще немного чудес, и нас непременно заметят Наверху, – предупредил Азирафаэль. – Если ты хочешь, чтобы Гавриил или кто-то из его ребят заинтересовался, почему вдруг уснул наряд из сорока полицейских...

– Ладно, – сказал Кроули. – Тогда всё. Всё. Но стоило хотя бы попробовать. Давай выбираться отсюда.

– Через тридцать секунд вы пробудитесь, – сказал Азирафаэль, обращаясь к замороженной экс-монахине. – Вам приснился чудеснейший сон о том, что вы больше всего любите, и...

– Да-да, прекрасно, – вздохнул Кроули. – Может, пойдем уже?

Никто не заметил их ухода. Полицейские были слишком заняты, собирая в кучу сорок опьяневших от адреналина менеджеров-берсерков. Три полицейских фургона пропахали ухоженный ковер газона; Азирафаэль заставил Кроули дать задний ход, чтобы пропустить первую машину «Скорой помощи», но потом «Бентли» наконец со свистом умчался в ночь. Вослед ему запылали садовая беседка и бельведер.

– И как мы могли бросить бедную женщину среди этого кошмара? – горько сказал ангел.

– Ты думаешь? – переспросил Кроули. Он попытался было сбить ежа, но промахнулся. – Помяни мое слово, клиентов у нее станет вдвое больше. Если она сообразит, что за козыри у

нее на руках, уладит формальности и оформит все законным путем. Начальный бизнес-тренинг с настоящим оружием? Да тут очередь выстроится.

– Ну почему ты всегда такой циничный?

– Я уже говорил. Работа такая.

Какое-то время они ехали молча. Потом Азирафаэль сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.